

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анна МОСКОВКИНА

ПРАВИЛА БОЯ.
ИСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Анна Московкина
Правила боя. Исток

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Московкина А.

Правила боя. Исток / А. Московкина — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013

Вот уже триста лет в Велмании царит покой. Магия находится на высочайшем уровне благодаря здоровой конкуренции между двумя магическими школами. Вот только покой обманчив, и в тихом омуте рано или поздно заводятся бесы.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	21
3	44
4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Анна Московкина

Правила боя. Исток

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Наука быть собой

1

– И еще мор. – Смотрящий чародей сверился с картой, висящей на стене; на ней иголками были припилены полоски пергамента с неясными пометками. – Мор в Мыльняках.

– Мор? – задумчиво переспросил Филипп, заправляя за ухо темную прядь, вылезшую из растрепанного хвостика.

– Коровий, – нехотя пояснил смотрящий. – Дохнут одна за другой, там уже все село на ухах стоит, собрали гонца в Береговницы, приехали ко мне. Чуть не на коленях ползали: пошли им колдуна... А никого нет, хоть сам езжай!

– Что же не поехали? – удивилась русоволосая девушка, похожая на Филиппа, как сестра. Смотрящий Береговниц и окрестных деревень Павелий лишь ус дернул:

– Стар я в телеге-то трястись.

– Ехали бы верхом... – хмыкнула девушка. Филипп метнул на нее гневный взгляд, она послушно замолкла и снова принялась изучать карту.

– Давно приезжали? – попытался исправить ситуацию парень.

– Три дня назад.

– И что, за три дня ни одного колдуна не проходило?

– А также не проплывало... Был один, да только на мое распоряжение он плевать хотел.

– Цитаделец?

– Нет. Наш – инесский, имя у него еще... язык сломаешь. Да ты, сынок, встретишь его. Он домой ехал, говорил, торопится к Владычице на прием, никак ему в Мыльняки не заехать. Он будет там пироги кушать, а у меня рогатый скот десятками косит! – Павелий, видимо, забыл, что сам трястись в телеге отказался.

– Ладно, давай свою грамоту, я подпишу.

– Сынок! Возьмешься?

– Хотите сами?

– Нет уж!

По содержанию парень лишь пробежал глазами и подмахнул витиеватой закорючкой:

– До свидания, милсдарь смотрящий.

– До свидания, милсдарь Филипп, до свидания, сударыня Айрин.

За дверью Филипп влепил девушке подзатыльник.

– Ты мне что обещала?

– Что буду молчать как немая, – заученно ответила она, лукаво щурясь.

– Так закрой свой рот поганый! И благодари меня, что я милостиво взял тебя с собой!

– Так мне благодарить или молчать?

– Твое молчание – лучшая благодарность!

– А худшая?

– Твое присутствие, – выдохнул он. Они вышли из прохладных сеней дома Павелия в теплый июльский воздух.

– Айрин! – крикнул Филипп, девушка попыталась сделать вид, что обращаются не к ней.

Лошади, привязанные у крыльца, объели серебристый кустарник, причем, если судить по сохранившейся стороне, нежно любимый смотрящим и аккуратно им подстриженный.

– Поехали отсюда быстрее!

Айрин влезла на Пеструшку и тихонько тронула ее пятками.

Лошадка была славная, хоть имела дурную привычку с малейшего резкого движения уходить в галоп. Пеструшка переступила с ноги на ногу, лениво дернула задом и осталась стоять на месте. Пришлось девушке ударить ее сильнее и подбодрить ее руганью.

– Поганка ты гречневая, отвлекись, давай, от своего кустика! – прикрикнула Айрин. «Давай» понравилось лошади больше всего, и Пеструшка пошла рысью. Девушка, неготовая к столь прыткому началу, неловко взмахнула рукой, которой пыталась подтянуть сползший стремной ремень. – Стой, зараза, кому говорят!

Удовольствовавшись представлением, лошадь успокоилась и перешла на шаг. Седло перекосило. Айрин, чертыхаясь, скатилась с лошади, поправила седло, затянула подпругу, для чего пришлось пнуть надувшуюся мерзавку. После пинка Пеструшка обрела осиную талию и дала затянуть пряжки.

– Это наказание, – догнал ее Филипп. – Под стать тебе лошадка: тебе тоже одно говоришь, а ты другое слышишь.

– Ты мне вообще ничего не говоришь, только ворчишь как старая бабка. Раньше ты так себя не вел.

– Раньше тебя за ухо отгаскать можно было или папе с мамой наябедничать, сестренка.

– Что теперь мешает? Почетный пост?

– Тебе он не светит, не переживай, – мрачно отвечивал ей брат.

Айрин тоскливо оглядела сельскую улочку, где в пыли играли дети. Детям не объяснишь, что играть в пыли или грязи нельзя, им хочется, и они играют.

– Зато я могу помочь тебе с мором! – обрадованно сообщила девица.

– Если наша помощь вообще потребуется. Может статься, нам поручат исключительно сжигать туши. – Филипп повернул голову в ее сторону и спросил: – Ты не хочешь в Милрадицы, верно?

– Я не хочу быть знахаркой.

– Выбери что-то другое, тебе же никто не навязывает!

– Так... давай подумаем, – хмыкнула Айрин. – На стратегию и тактику девушек не принимают, с алхимии меня исключат после того, как я разобью жутко важную склянку и взорву эту школу к бесам, лесная наука набирает пять человек, и, по странному стечению обстоятельств, они тоже все мужского рода... Что я забыла?

– Искусство, – включился в игру брат.

– Чужие произведения критикую излишне злобно.

– Сельское хозяйство?

– Животных люблю. Не люблю людей, которые их обижают, аж руки о меч чешутся.

– Военное дело? – Тут она ехидно подняла бровь и, посмотрев, что улица обезлюдела, ушла в галоп. Догнал ее Фил уже за границей села, где она остановила Пеструшку и позволила прожорливой лошади жевать понравившуюся елочку. – Да, при твоей дисциплине... Но на твоём месте я бы не отказывался так легко от искусства, ты могла бы писать баллады.

– Фил, очнись, я людно не могу настроить, а когда играю, путаю пальцы и сбиваюсь.

– Учись играть на арфе!

– Я хочу быть колдуньей. Как мама, как ты, как вся Инесса. А вместо этого хожу и думаю о том, не что мне нравится, а от чего меньше воротит! Давай о море поговорим или о твоём назначении, а? Ты когда работать начнешь?

– После сенокоса.

– А отряд большой?

– Двенадцать человек. Десятилетки. – Он говорил неохотно, будто на допросе.

– А кто еще с ними заниматься будет? Хорхе?

– Нет, первые два года только я, потом уже посмотрим. У меня есть идея вообще провести реорганизацию обучения.

– Ты еще ни одного занятия не отвел, наставник!

Филипп наградил сестру кривой усмешкой и без предупреждения прищипнул коня. Они были похожи не только внешне.

Мыльняки предупредили о себе загодя: еще даже частокол и крыши не показались, а брат с сестрой уже поняли – подъезжают. Воронье кружило черным облаком, будто здесь была битва, но кружило как-то странно. Польстившись на сладкий запах разложившейся плоти, ни одна птица не рисковала ее расклевывать, лакомясь.

Могильник – вот что встречало путников первым в селе Мыльняки, славившемся двумя промыслами: мыловарением и заводом мясных коров. Буренки лежали в выкопанной траншее, некоторые будто живые, некоторые начавшие разлагаться. Некоторые – судя по черным следам в траншее – уже сгоревшие в очистительном пламени.

– Значит, он все-таки поехал сюда, – тихо произнес Филипп.

– Кто?

– Тот колдун, о котором говорил смотрящий.

Айрин с трудом отвела взгляд от теленка, по глазницам которого ползали мухи.

– Мы опоздали, да?

– Лошадей придется отпустить, нечего им в селе делать.

Дальше шли пешком. Пеструшка попыталась увязаться за хозяйкой, но парень отпугнул ее заклинанием, выставив отвращающий барьер в версте от забора.

Теперь ни одна тварь его не пересечет, пока он не снимет заклятия. Или не умрет.

Ворота стояли нараспашку, на улицах – пусто как ночью. И везде воронье: на заборах, плетнях, деревьях, крышах домов.

– Эй! Вы кто? – Грязный, вымазанный в навозе мужик со включенной бородой направил в сторону пришельцев вилы.

– Колдуны, милсдарь хороший, смотрящий в помощь отрядил.

– С чего-т такая доброта? Аж три штуки, или боятся, что и до них коровья смерть дойдет?

– А как не бояться! Да и вам подмога нужна! Верно? – Мужик подошел к ним ближе, он был на полголовы ниже долговязого Филиппа и в два раза шире, будто гном.

– Деньги у нас нет, мы и тому колдуну так сказали!

– Ушел? – усмехнулся молодой чародей, знал – этот заказ оплатит вся округа Береговниц.

– Не ушел. Вон идите в большой коровник, там он с оставшейся скотиной.

Село доселе бед не знало. Домики были старые, скатанные еще прадедами местных жителей, но справные и ухоженные. Ставни изукрашены резьбой, как и карниз, и трехступенчатые крылечки. Дранка на крышах свежая, сочащаяся смолой на летнем солнце. У колодца – тоже не обиженного умелым резчиком, стояла новая дубовая бадья. А вот коровник выстроили недавно. Общий, один на все село, и тоже строили с какой-то небывалой любовью, но любовь коров не спасла.

Колдун сидел на пороге и курил длинную деревянную трубку. В вороних волосах, связанных на макушке узлом, блестели нити ранней седины. Ранней потому, что на бледном осунувшемся лице совсем не было морщин.

– Филипп? – удивился колдун.

– И тебе не хворать. Что же ты смотрящему отказал?

– Торопился. – Он еще раз затянулся.

– Хм? Так почему ты еще не в Инессе?

– Лошадь занесла, – отшутился колдун усмехаясь. Он вытряхнул трубку и убрал в кожаный чехол. – Видишь как? Ученицу взял? Не рано?

Сверкнули холодные белесые глаза.

– Это моя сестра. Айрин.

– Похожа. Пусть уходит.

– Что? – удивилась девушка.

– Ты человек, тебе здесь нечего делать, – пожал плечами мужчина, встал, поддернул рукава грязной рубашки и ушел в коровник. Айрин непонимающе уставилась на брата.

– Не обращай внимания. – Фил сбросил сумку на скамью и тоже закатал рукава. – Пойдем.

Полумрак в коровнике разбивали лучи вечернего солнца, струящиеся из окон под крышей.

Пахло смертью. Колдун стоял напротив сонной буренки и будто вел с ней безмолвную беседу. Филипп перелез через жерди загона и обошел корову по кругу. Пощупал язву на боку. Ладонь его слабо светилась – заклятием предохраняя от заразы.

– Она должна уйти, – спокойно повторил колдун, но Айрин уже перемахнула через ограду и подошла к ним.

– Это чума?

– Да, – хором ответили мужчины.

Бело-рыжий теленок боднул девушку под коленки, а стоило протянуть ладонь, умильно уткнулся в нее носом. Тонкая девичья рука погладила безрогую голову, почесала торчащее рыжее ушко.

– Сейчас она начнет сюсюкать и рыдать над столь милой тварюшкой. – Колдун демонстративно обращался только к брату. – А его придется убить, как и все стадо.

– Но он не похож на больного. – У теленка были ясные глаза. Он схватил губами палец девушки и начал сосать.

– Даже если он здоров, никто не рискнет оставлять животное, пережившее мор, слишком велика вероятность, что болезнь затаилась.

– Какое было поголовье? – Филипп отошел от коровы.

– Двести голов. Осталось тридцать. Я уже убил пятьдесят, которым нельзя помочь. Этим можно, но староста просил умертвить всех и зачистить коровник.

– И вы послушаетесь? – Лицо девушки покраснелось, на щеках проступил лихорадочный румянец.

– Да. Обычная просьба.

– Режешь? – Филипп кивнул на нож, висящий на поясе у колдуна.

– Нет, магией. Проще и безболезненней.

– Но он совершенно здоровый, и вон та коровка тоже!

– Айрин, иди позови мужиков! – оборвал Филипп.

Мужики сидели за коровником и тихо опустошали глиняный кувшин с варенухой.

– Что теперь будет... – вздохнул патлатый, встретивший путников у ворот.

– Что будет, то будет, – буркнул светловолосый крепыш. – Хошь, на сторону иди, хошь, с нами мыкайся.

– Прогневали мы богов. Навлекли на себя беду.

– Ты и навлек! Кто кричал, что по зиме наши колбасы у самого государя на столе лежать будут?

– А ты будто противился, все мага мечтал позвать, чтобы тот свеженькие перенес аж до Вирицы! Вон тебе три мага, любого бери. И на колбасу хоть всех пускай! Только долго ли мы проживем после той колбасы?

– Ну! Хватит, вспетушились, аки юнцы! – хлопнул ладонью по столу седой мужик.

– Вас в коровник зовут, – тихо проговорила Айрин, пресекая спор, но мужичье продолжило пререкаться, не обращая на чужачку внимания. Девушка поджала губы и, подойдя ближе, прикрыла ладонью кружку патлатого, из которой тот собирался отпить.

– Ты кто? – воззрился на нее патлатый.

– Вас зовут в коровник, – повторила Айрин.

– Ща придем. Иди себе, девка, не мешай.

– Напиваться?

– А ты трупы потаскай, я посмотрю, что ты запоешь.

– Трупы? – повторила она одними губами, резко развернулась и помчалась в коровник.

Мужики проводили ее мутными взглядами.

В воротах коровника стояла растрепанная девчушка с зареванным лицом.

– Не дам! – крикнула она.

– Я же просил запереть всех баб! – выругался черноволосый. Филипп подошел к девушке и попытался взять за руку, но та подалась назад. – Эту тоже надо бы запереть!

– Я тебе не баба, колдун, – прошипела Айрин.

– А я тебе не колдун, девка.

– Они хотят убить их! – пожаловалась девчушка, ища поддержки.

– Я знаю, – буркнула Айрин. Трудно убедить кого-то, когда сам не веришь своим словам.

– А я их доила, по именам всех знала! – Девчушка разрыдалась, закрыв лицо руками.

Айрин погладила ее по голове, исподлобья глядя на колдуна.

– Ты мог бы хотя бы попытаться объяснить, что по-другому нельзя.

– Ей? – Бледные обветренные губы опять скривила ухмылка.

– Не дам. Ромашка, моя... – подвывала селянка, уткнувшись в плечо неожиданной союзницы, та машинально продолжала ее гладить.

– Всё, достаточно! Уведи ее! – Филипп грустно улыбнулся, кивнул.

Секунды хватило, чтобы брат и сестра поняли друг друга. Айрин обняла девчушку за плечи и повела прочь из коровника.

Селянка вырвалась с неожиданной силой, перепрыгнула плетень, вцепилась в шею понурой буренки.

– Не дам убить! Вон отсюда.

– Что за шум? – Мужики прикончили кувшин и только тогда собрались в коровник. Не больно-то торопясь в проклятое богами место.

– Они хотят их убить! – выла селянка.

– Марысь, пойдем домой. – Белобрысый мужик подошел к ограждению. – Пойдем, доченька. Пойдем, моя хорошая...

Но Марысь только крепче вцепилась в корову. Колдуну надоело наблюдать. Девушка закричала, попыталась спрятаться за буренку. Мужики стояли в воротах – спорить с колдуном они боялись. Филипп тоже не двигался.

Айрин поймала руку мужчины, не дав ухватить хрупкое девичье запястье, нажала, отводя превосходящую по силе мужскую ладонь вниз резким заученным движением.

Мир перевернулся, перед глазами замелькали необструганные доски потолка. Айрин разлеглась на полу, шипя.

– Я просил запереть баб! – повторил холодный бесчувственный голос. – Забирайте свою дуру.

Колдун легко ухватил Марысь и, сжав брыкающуюся девушку в охапку, донес до отца. Тот, ничего не говоря, принял непослушное дитяtko на руки, с неприкрытой ненавистью смотря на колдуна.

– Бесово отродье! – выплюнул он, развернулся и вышел прочь из коровника.

Айрин лежала, чувствуя, как по правой руке течет кровь. Торчащий из доски гвоздь порол ткань рубашки, а с ней и плоть.

– Идиотка. Сегодня мы спасем этих коровок, а завтра они заразят новое стадо. Паразиты, сидящие на них, перелезут на собак и крыс и попадут в соседнее село или деревню. Ты хочешь устроить мор по всей стране, девка?

– Вставай, Айрин! – Филипп помог сестре подняться. Девушка удивленно оглядела пораненную руку. Кровь бежала по запястью, лилась по кисти и капала на пол. Что-то было не так. Ярко-алые, светящиеся, как языки пламени, капли сверкали в воздухе и затухали только среди гнилой соломы. – Лучше уходи.

– Сволочь. Ты мог ей это сказать, мог утешить, а не лупить несчастную девочку!

– Если я буду успокаивать каждую встречную дуру, то те, кому действительно нужна помощь, ее не дождутся.

– Я могла ее успокоить!

– Мы заметили! – ядовито осклабился колдун. – У тебя прекрасно получилось. Ты такая же глупая девка, как и она. Тебе тоже жалко разнесчастных зверушек! Тогда пожалей тех телят, коров, коз, овец, до которых дойдет чума, не уничтоженная из-за глупости деревенской девки!

Айрин молчала. Колдун был прав.

Кровь, капающая с руки, стала огненной.

Что-то внутри оборвалось, распахнулась накрепко запертая клетка.

«Сволочь, – думала она, медленно переступая ногами, отшвырнула попытавшегося удерживать ее брата. Встала напротив колдуна – совсем близко, так что перед серыми глазами замаячил распущенный ворот рубахи, и задрала голову. И колдун перестал дышать. – Сволочь!»

– Успокойся, – тихо прошептал он. Пощечина получилась бы звонче, будь он брит, но руку кольнула отросшая щетина. Его отшвырнуло на пол.

«Я могу его убить. Прямо сейчас, здесь. И не только могу, но и хочу. Надо лишь выйти из клетки, вылететь на волю после восемнадцатилетнего заточения». – Мысли неслись в голове, короткие ясные звериные мысли.

«Долой клетку!»

В белесых глазах застыли ужас и... удивление. Сила струилась по худенькому телу, приглушая сознание, заливая все вокруг, расплываясь по коровнику. Теленок поднял голову. Сонная корова встрепелась, как и двадцать восемь ее подруг. Филипп вскочил, ошарашенно вертя головой. Мужики отступили назад.

Колдун сорвался с места.

«А я даже не знаю, как его зовут», – подумала Айрин, стремительно уходя из-под удара. Он прыгнул, но девушка оказалась быстрее. Ударил сама. Не рукой – плетью силы.

«Убить его. Сейчас».

Но невидимая преграда обороняла черноволосого. Капканом сомкнулись пальцы вокруг запястья, пережали рану, не давая капать крови. Обезумевшая девушка попыталась вырваться, затрещали кости.

– Успокойся.

Сила забила внутри, клетка закрывалась тяжело, натужно, но сопротивляться не получалось.

Руку он не отпустил, продолжал держать, делая больно.

– Филипп, принеси мне сумку. Вон она висит. – Парень тяжело дышал, взгляд у него был перепуганный, но сумку он принес. – Давай открывай. В маленьком кармане сверток.

Содержимое свертка напоминало вар, но явственно пахло дегтем. Колдун отщипнул кусочек и размял в пальцах.

– Попробуешь вырваться и сбежать, я тебя оглушу и приведу в сознание только в Инессе. Ясно?

– Ясно!

– Не смей даже двигаться. – Капкан разжался, ладонь, перепачканная кровью, перехватила руку чуть выше локтя. Ловкие пальцы залепили длинный и очень глубокий порез. Глухой болью отозвалась сломанная кость. – Пошли, девочка.

Мужчина вытер ладони о штаны, размазывая бурые полосы. Кровь стала обычной...

Он выставил меня за ворота, усадил на скамейку. И я села. Очень болели рука и голова.

Не знаю, сколько я так просидела, краем сознания заметила, как мужики взвалили первую тушу на телегу, за ней вторую. Вместо лошадей они втроем впряглись в оглобли, натужно потащили по дороге.

Они сделали десять ходок, последним вывезли рыжего теленка, который сосал мне палец. Мне хотелось закрыть глаза, но я не закрыла. Как и Марысь, стоявшая на дороге. Она плакала так, будто мужики везли в могилу ее отца или брата. Плакала, но глаз не закрывала. Колдуны вышли из коровника через четверть часа. Филиппа шатало от магического истощения, черно-волосый ступал твердо. Из чего он сделан? Мой брат не последний колдун в Инессе и далеко не самый слабый. Когда за забором полыхнуло пламя, я все-таки закрыла глаза – теперь они слезились от едкого дыма.

Мазь спеклась твердой коркой, шевельни рукой – раскрошится, но я не шевелила. Сломанная кость ныла и без того.

– Айрин... – Фил хотел погладить меня по голове, но я открыла глаза, и он отшатнулся. – Я знаю, что ты чувствуешь, но пойми...

Корка на руке начала крошиться, не дожидаясь, пока я пошевелюсь. Хлипкий замок выдуманной клетки взорвался. Сила рванулась к Филиппу. Худое тело содрогнулось, скривилось лицо, темно-каштановые волосы зашевелились на голове, как змеи.

Черноволосый сбил его с ног. Снова хрустнула кость, в этот раз жалобно. Снова захлопнулись дверцы клетки. В этот раз резко и сразу.

Будто сквозь туман я наблюдала, как колдун перевязывает мне руку и накладывает лубки. Мы могли остаться в Мыльняках на ночь, но не остались, вышли за ворота. Мужчины подозвали лошадей: Филипп зовом, черноволосый просто свистнул. Брат, кажется, обращался к нему по имени, но оно все ускользало от меня, будто память желала поскорей стереть этого человека. Избавиться от него раз и навсегда.

Ему подошел бы вороной жеребец, велманский верховой например, но прибежала рыжая кобыла со смешным розовым храпом и белой стрелкой на лбу. Пеструшка приветливо обнюхала новую знакомую. Я кое-как забралась в седло.

Мы ехали, пока я чуть не вывалилась из седла, уснув.

Болела рука. Замерзли ноги. Над головой под порывами ветра раскачивались сосны, по небу расплзлись набрякшие влагой тучи, не пропускающие робкий утренний свет.

– Где Филипп?

– Уехал в Инессу, – хмуро буркнул колдун, он сидел нахохлившись у костра, похожий на большую ворону. Пук на макушке превратился в ворох не слишком чистых волос, обрезанных по плечи, щетина за ночь выросла еще больше, грозя перейти в разряд бород. Но даже борода и немытые лохмы не смогли его изуродовать до конца.

– Как тебя зовут?

– Майорин.

– И почему мой брат уехал, Майорин?

– Ему нельзя находиться сейчас рядом с тобой – опасно для вас обоих. И ему нужно предупредить твоих родителей.

– Предупредить насчет чего?

– Что их дочурка, которую они так долго считали человеком, оказалась истоком.

В этот раз я не стала переспрашивать. Я знала, кто такие истоки.

– Ты тоже должен уехать.

– Нет, мне ничего не угрожает, тебе тоже.

– Почему? – Он не ответил. Видно, не посчитал нужным. Как не посчитал нужным объяснить деревенской девке, почему надо вырезать все стадо до последнего теленка.

Колдун ушел в лес. Я выбралась из-под одеяла. Расседланные, стреноженные лошади щипали траву. Полянка, на которой мы устроились под одиноко стоящей и оттого широко раскинувшейся сосной, с одной стороны отгородилась от мира стеной леса, с другой речушкой. Мелкая травка перемежалась мохнатыми клеверными головками. Лошади скусывали лакомые шарики, ловко обходя так и лезшие в рот лютики. В котелке остывал взвар, на лопухе лежала половина шуки, рядом горбушка черствого хлеба.

Сначала я увидела ворох сосновых веток, только потом по ногам опознала колдуна. Назвать его Майорином не поворачивался язык – заковыристое имя совершенно не подходило этому потрепанному жизнью бродяге.

– Что ты делаешь?

– Строю шалаш. Скоро начнется дождь, будет лучше, если у нас будет крыша над головой.

– Ты серьезно? Зачем? – Он снова не ответил.

Я ополоснула котелок, действовать только левой рукой было неудобно, но совсем ничего не делать я тоже не могла.

Через пару часов полог туч не выдержал – прорвался дождем, но мы успели перетащить вещи под навес, колдун соорудил его на самой кромке леса, меж двух сосен, натянув на них веревку. Перенесли и костер – горячие угли в котелке, на них накидали мелких насыпавшихся с лапника веток и шишек, сначала они только дымились, но постепенно появились робкие язычки пламени, скользящие меж длинных иголок. Колдун не произнес ни слова.

В нашей семье все были колдунами. Кто сильнее, кто слабее. Наша с Филиппом мать – одна из сильнейших в своем поколении. Отец был скорее воином, чем чародеем, но и его не обделила силой матушка природа. Филипп – воплощение мечты любых родителей, гордость моей семьи. Сильный чародей, хороший воин, обладатель незаурядного ума, порой ему не хватало решительности или, наоборот, мешали излишняя мягкосердечность и умение сопереживать, но эти черты только украшали моего безупречного братца. Я родилась человеком – в семье, где даже кот подозрительно легко приманивает мышей, это горе.

Я не могла учиться колдовать, пришлось учиться драться и лечить. Драться получалось лучше, лекарство больше подходило для женщины. В школу общих наук меня приняли легко, я даже не особо старалась понравиться приехавшему из школы преподавателю, но принять меня на учебу, значило получить покровительство Владычицы Инессы. Мне достаточно было уметь читать и писать. Как ни странно, этим мои умения не ограничивались, и старичок облегченно выдохнул – не придется объяснять другим учителям, зачем это чучело занимает конторку в лекционном зале.

Исток. Это все меняло.

Исток – человек, носящий в себе природный источник силы, не собирающий ее, как колдуны, а вырабатывающий. Но управлять этой силой невозможно, она выходит в чистом – первозданном виде. Годами преобразующие маги искали истоки, потому что силе не нравится быть запертой в клетке, она стремится наружу. Стремится как вода в половодье заполнить все трещинки, впадинки, залить русла высохших ручейков и речушек, напоить каждое деревце и кустик. Даже если для этого придется уничтожить плотину, мешающую выйти из берегов. Плотина – человеческий разум. А колдуны – ручейки, в которые так стремится попасть вода. Черноволосый не зря прогнал Филиппа. Но почему не ушел сам? Почему брат так легко оставил меня наедине с чужим человеком? Или...

За истоками гонялись, бились за них, а истоки рождались все реже и реже, и преобразующие начали использовать накопители и строить магические форты. Для мага или колдуна исток – сокровище.

На ужин колдун принес зайца, дикого лука, таволги и чабреца. Зайца он сварил, заправил луком, а из чабреца и таволги заварил чай. Помощи он не просил, только пару раз с сожалением покосился на мою руку. Может, ему было стыдно, может, жалел, что нельзя свалить на меня готовку.

– Почему сила не пытается влиться в тебя? – Кажется, он уже *не* отвечал на этот вопрос.

– Я очень сильный маг. У меня большой запас сил. – Колдун протянул мне ложку, ела я неловко. Левая рука слушалась неохотно, будто ворча на свою сломанную товарку.

– Но и Филипп не слабый.

– Не настолько... – неопределенно сказал он.

Перед сном Майорин обошел стоянку, прочертив вокруг кривоватую линию на земле. Он не пользовался пассами и не говорил. Может, и не врет, что очень сильный маг.

Спала я плохо. Стоило задремать, как будил малейший шорох. Колдун лег, повернулся ко мне спиной и больше не шевелился, будто мертвый. На мою девичью честь он посягать не собирался, а когда я стыдливо попросила его отвернуться, чтобы переодеться, оскорбительно хмыкнул и ушел в лес.

Утреннее солнце косыми длинными лучами скользило меж стволов деревьев, лошади казались волшебными коньками, пасущимися на небесных лугах. Уже сейчас было жарко, я вылезла из-под веток. Забывшись, оперлась на сломанную руку, но не почувствовала боли.

Когда вернулся колдун, несший в руках мокрую постиранную рубашку, я сматывала бинты.

– Срослась? – удивился он.

– Да. – Я демонстративно размяла кисть, сжала и разжала кулак. – Как-то быстро.

– Инициированный исток обладает практически мгновенной регенерацией. С костями только будь осторожнее, регенерация не помешает срастись неправильно, и придется снова ломать.

Зажил и порез, не оставив даже шрама.

– Теперь сила выходить не будет, – рассказывал Майорин; он искупался и переоделся в чистую рубаху. Высохнув, волосы распушились и красиво переливались на солнце. – Но разбуженный исток будет искать другие пути выхода. Ты должна научиться его сдерживать.

– И как? – Насмотревшись на чистого колдуна, я ощущала себя последней замарашкой и начала невольно почесываться. Нестерпимо хотелось искупаться, благо солнышко жарило все сильнее. Мы доедали вчерашнего зайца.

– Волей. Твое сознание должно хладнокровно душить все попытки истока вырваться наружу с помощью безумия. Малейшая вспышка злости, физическая боль – все может послужить дверцей.

– И так всегда?

– Нет. Но надо укрепить клетку, первое время очень важно. Часто оно решает все: будешь ли ты сумасшедшим сосудом для силы или сможешь с ней жить.

– А управлять?

– Над этим вопросом бьются не одну тысячу лет. Я тебе на него не отвечу.

– Можно я искупаюсь?

Колдун удивленно посмотрел на меня, скривил губы в подобие улыбки и кивнул.

Я довольно долго плавала, ныряя за рыбой, надолго задерживая дыхание. Рыба в панике неслась подальше и поглубже, намного быстрее, чем может плавать человек. Но мне каза-

лось, что раньше неуловимые для моего глаза движения я стала распознавать. Нанырившись до одури, я расплела косу и промыла волосы. Светлые пряди в воде перемежались с темно-медовыми. Помывка плавно перетекла в стирку. Рубашка после этого несколько позеленела, зато пахла только речной водой и немного мылом, которое мне дал колдун. Когда я вернулась к стоянке, у меня посинели губы и стучали зубы.

Колдун опять ушел и увел свою лошадь.

Странный это был ответ, будто не ответ вовсе. Он не сказал, что не знает, он не сказал, что управлять силой невозможно. Просто отказался отвечать. Я бродила по полянке, не зная чем себя занять, и рвала клевер, еще не съеденный лошадьми. Такого почти не осталось. Я судорожно пыталась вспомнить, что читала про истоки. Но в голову приходила только всякая глупость – байки про сумасшедших, из которых плещет сила. Этим мои вспоминаемые знания ограничивались, остальные так глубоко забрались в кладовку памяти, что обнаружить их под слоем пыли и паутины мне не удалось.

Венок получился лысоватый и кривоватый, я примерила его на голову, но, видимо, переоценила свой незаурядный ум. Голова прошла насквозь, и венок повис цветочными бусами. Белая с черным носом голова жадно потянулась к неожиданному лакомству, пытаясь сожрать цветочки вместе с моими волосами. Насилу я отобрала у Пеструшки свою шевелюру и скормила ей обслюнявленное украшение. Четвероногая поганка в порыве жадности укусила меня за руку.

Может, и бывают лошади с покладистым нравом, но я их не встречала. Все коняги, на которых мне доводилось ездить, отличались дурным характером. Пеструшка объединяла все недостатки. Она не удалась мастью, хотя ее родители были образцами своей породы, на белый корпус с ног заползали маленькие рыжеватые пятнышки, слишком крупные, чтобы быть просто гречкой, но мелковатые для пегости. Ноги коротковаты, круп, наоборот, широкий, а грива в мелкий кудель, в который вечно набивался всякий мусор. Кобыла была на редкость неприхотлива в еде, но ее тянуло на всякую гадость поядовитей. Последним недостатком была маниакальная дружелюбность. Лошадь хотела дружить со всеми, но проявляла свои теплые чувства в кусаниях и боданиях.

Колдун пришел перед закатом, я собрала хвороста и наломала лапника – дым отпугивал комаров, вылетевших на охоту, как только спала жара, и теперь сидела у огня, расчесывая спутанные волосы. Он приехал верхом, судя по туго набитым седельным сумкам – ездил в село. Пеструшка, почуяв что-то вкусенькое под толстой кожей, призывно заржала. Майорин спешился, расстегнул ремни и стащил сумки на землю.

– Мог бы и предупредить, что уедешь.

– Я должен отчитываться? – В этот раз он удивился искренне, без поддевки.

– Может, я волновалась?

– По тебе не заметно. Разбери сумки, там овес.

Кроме корма для лошадей, колдун купил хлеба, сыра, крупы и вина. В отдельном свертке лежали свеженькие огурчики. Я отвлеклась на окликнувшего меня колдуна, одним огурцом стало меньше, а жующая Пеструшка звучно фыркнула, уличая меня в растяпстве.

– Хмельное расслабляет разум, освобождает дорогу истоку, – сказал колдун, откусывая огурец.

– Значит, мне нельзя пить.

– Нельзя, – подтвердил он. – Пей.

– Но...

– Лучше выпустить исток сейчас, когда, кроме лошадей, этого никто не почувствует. Пей-пей. В первый раз, что ли?

– Да нет. – Я отхлебнула и чуть не выплюнула обратно. Проглотила я с трудом. – Самогон?

– А ты чего, бражки хотела?

– Вина. Обычного вина. – Я с отвращением посмотрела на флягу. Майорин отломил мне хлеба и водрузил на него кусок сыра.

– На закуси. Ты пей, не отвлекайся!

– Я так не могу! – взвилась я. – Как можно так пить? Еще и одной!

– Ты предлагаешь составить тебе компанию?

– Хотя бы! Иначе не буду!

– Капризная дочка Владычицы. Все ждал, когда ты себя проявишь. – Но, несмотря на сарказм, флягу он взял.

– И что же будет, когда я опьянею?

– Откуда мне знать, все девки по-разному себя ведут.

– Не называй меня «девкой», колдун!

– Хочешь сказать, ты уже не девка? – Я с трудом подавила желание выплеснуть самогон ему в лицо. – Пей давай. Помни, что я сказал про злость.

– Теперь ты будешь меня злить? – Я выдохнула и отпила, маслянистая жидкость обожгла нёбо и расплавленным металлом полилась в горло. Я торопливо закусила сыром.

– Пить ты не умеешь!

– Будешь учить? Ты же так не любишь объяснять!

– С чего ты взяла?

– Ты же не потрудишься объяснить той девчужке в деревне про чуму.

– Она все равно бы не поняла. – Майорин встал и нырнул под навес, какое-то время он там копался. Мне в плечо впился комар, легко пробуравив рубашку, боль осталась где-то на краю сознания, и я с интересом наблюдала, как длинное тельце круглеет от моей крови.

– Перестаешь чувствовать боль – исток просыпается. – Он резко хлопнул меня по плечу, на рубашке осталось красное пятно. – Это первый звоночек.

– А может, дело в самогоне?

– Опьянение хмелем и опьянение силой порой схожи. Ты мало выпила, пей еще. – На плечи мне рухнула моя собственная куртка. Я подняла голову, колдун хитро прищурился. – Еще не хватало простыть.

Как ни странно, он оказался отличным собутыльником. Не рвался изливать душу, не требовал этого от меня, а когда иссякла одна фляга, колдун достал следующую. Злить он меня не пытался, подкалывал, порой задевая за живое, но не специально. А я все пыталась докопаться до ответов, которые он не давал.

– Откуда ты так много знаешь про истоки?

– Нахватался.

– Слишком ты много знаешь для нахватанности.

– Не путай, девочка. – Я скривилась, но промолчала. «Девочка» мне не нравилась чуть меньше «девки». – Ты не знаешь ничего, я знаю немного.

– И что же ты еще знаешь?

– Почти все истоки сходят с ума. Чувствуешь сладкий вкус безумия?

Я помотала головой, чувствовала только, что хмель опутал меня с головы до ног. Колдун сидел, облокотившись на одну руку. Смутившись, я опустила глаза. Я росла среди колдунов и воинов, кто-то был благороден до тошноты, кто-то, наоборот, славился излишним цинизмом, несколько этого не скрывая. Многие были сволочами или любили скабрзностями загнать девок в краску, а частенько не только девок. Но никого похожего я не встречала. Что-то было в нем иное, будто действительно он не понаслышке знал вкус безумия.

– Ты поехал в Мыльняки. Почему?

– Мимо проезжал.

– Вот и проезжал бы дальше. Ты же послал смотрящего, ему это не шибко понравилось, может и в Инессу написать.

– Пусть пишет. – Колдун запрокинул голову и сделал несколько долгих глотков. Меня передернуло. Фляга вновь сменила хозяина. – Мне все равно.

– Это я уже поняла. Не поняла почему?

– Хм... Если бы он мог меня проклясть и тем испортить мне жизнь, я бы, наверно, заволновался. А так, ну поворчит старичок, помянет меня недобрым словом, накатает клязузу в Инессу, а дальше что?

– Сказал бы, что собираешься заехать.

– Я не собирался, – спокойно сказал он. И я поверила. Он и вправду не собирался заезжать, плевать он хотел на задание, плевать хотел на село. Но он заехал. Зачем? Я пристально рассмотрела в блеклые глаза.

– А ты не такая сволочь, как кажется на первый взгляд.

– Деточка, ты опьянела! Вот тебе и мерещится всякое.

– Не называй меня деточкой!

– Девкой?

– У меня есть имя!

– Ах да. Совсем забыл! – Мне захотелось съездить по нагло усмехающейся роже. Колдун этого и добивается, вспомнила я. Но как-то смутно вспомнила. – Дочка Владычицы не может быть девкой! Извините, милая сударыня, но на колдунью вы похожи больше! Нет, не на колдунью... на кого же? Точно, на девку.

Самогон внутри вскипел. Я сузила глаза, вскочила, желая ударить, заткнуть ему рот. Ярость окутала сознание багровой пеленой, застилая ленивые мирные зеленые плети хмеля.

– Наконец-то! – довольно выдохнул Майорин. – А теперь заставь его уйти обратно!

– Иди к бесу!

– Спокойно. Тихо. Давай, Айрин, ты сможешь. – Мое имя подействовало будто отрезвляющая пощечина. – Ты сильнее своего истока, это же только часть тебя, неужели ты не сможешь ее подчинить? – Голос ложился третьим слоем пут. – Ты же можешь владеть рукой или ногой. Это тоже часть тебя.

Напряжение достигло предела. Я больше не злилась, но внутри все содрогалось – будто кипела кровь. Исток отпустил меня, отошел назад. Подвели ноги, будто исчезли. Колдун поймал, меня продолжало трясти.

– Молодец. Ты смогла... – Пощечина вышла слабой, но Майорин, кажется, опять удивился.

– Сволочь. – Я оттолкнула руки и ушла под навес – спать.

– Я знаю, – догнал меня тихий равнодушный голос.

Не разговаривать с единственным на несколько верст человеком было невозможно, я сдалась к полудню, потроша очередного зайца. Чувствую, зайчатины я наемся на всю жизнь вперед. Этого колдун убил стрелой, выпущенной из короткого лука, которого у него раньше не было. Также я заметила, что после вчерашней отлучки вещей у него заметно прибавилось. Особенно странно среди походной утвари выглядели книги.

– Откуда ты привез вещи?

– Не бойся, никого на большой дороге я не грабил.

– Просто интересно.

– Оставлял у одной знакомой, а она резко расхотела водить со мной знакомство, пришлось забрать вещи.

– Интересно, почему это? – спросила я у ободранного зайца. Без головы он странно напоминал кошку, только очень уж мускулистый.

– Места много занимают.

Он дождался, пока я сброшу мясо в котелок и налью воды, и позвал к центру поляны.

– Мечом владеешь?

– Да, – кивнула я. Больше вопросов Майорин не задавал, бросил в меня обструганной палкой (вот что он все утро ковырял!).

– Многих в схватке настигает азарт боя, боевая ярость. Знакомо?

– Ну?

– Не нукай, не запрягала. Забудь. Ты должна мыслить трезво, противник не даст тебе времени постоять и загнать исток подальше. Нападай!

Я примерилась к палке, подбросила ее в руке, принаравливаясь к весу. Отлично выструганный меч, без финтифлюшек, без эфеса, но сбалансированный, как полагается. Шаг вперед, не совсем вперед, чуть скользя, чуть влево. Еще один. Он не стал ждать, мелькнул и оказался у меня перед носом, я с трудом отразила удар.

– Нечестно!

– Да ты что? – передразнил меня колдун. Он злил меня, как не злил никто, бросаясь обидными оскорблениями. Инстинктивно чувствуя мои больные места, мужчина метил именно в них. Палки глухо стучали друг о друга.

Раз за разом я валилась на землю после очередной подножки и вставала.

На упрямстве, на силе воли, на упорстве... но следующей будет злость. Именно к ней вел меня колдун, именно для этого устроил поединок. Хотя поединком назвать это было сложно. Я думала, что хорошо владею мечом, оказалось, не владею вообще. Я чувствовала себя щенком, который скачет вокруг взрослого пса, изукрашенного шрамами былых драк. Щенок насккивает, пес лениво отталкивает его лапой, иногда позволяет цапнуть мелкими – молочными – зубками за большое изорванное ухо. Но не больше. Щенок злится, рычит, а пес все отталкивает его лапой.

– Всё, хватит. – Майорин бросил палку на землю. – Мое почтение, в бою ты не злишься. Слишком плохо дерешься.

– Что? – Я палку отпустить не успела, метнула в него, не сомневаясь – этот отобьет. Ошиблась, он ее развеял в локте от себя.

– Как там наш зайчик?

– Зайчик? Зайчик! – К котелку я опоздала. Зайчик почернел и годился только на удобрение.

– Ну вот, и готовить ты не умеешь! – расстроено протянул колдун.

– Это из-за тебя! Если бы не ты со своим дурацким боем, я бы про него не забыла!

– Не думал, что ты так долго протянешь. – Майорин достал хлеб и остатки сыра. – Следующего будешь сама стрелять!

– Тогда ты рискуешь загнуться от голода, – мстительно сообщила я, ковыряя ножом сгоревшее мясо в надежде найти хоть что-то съедобное.

– Ты не умеешь стрелять?

– Умею, но отчего-то всегда мимо...

– Тогда рыбу будешь ловить. – Я лишь развела руками. Рыба у меня не клевала, а стоило осенью пойти за грибами, они будто втягивались в почву, дожидаясь моего ухода. Майорин буркнул, что я ни на что не гожусь, и протянул мне сыр. К нашему счастью, поставить на огонь котелок с водой для взвара я не успела.

Минуло еще четыре дня. На второй я узнала, что колдун умеет смеяться – мы допили самогон, и я выболтала историю с назначением Филиппа учителем мальчишек-десятилеток.

На третий он смешил меня, оказавшись отменным рассказчиком. Майорин поведал мне байку про вирицких стражников, написавших рапорт по «мутному» трупу, который отловил один сознательный житель в городской речке. Беда была в том, что убивали в Вирице не реже, чем в любом другом городе. Совсем уж кровавые дела списывали на тeneвых, коих с закатом выползало великое множество. Но вот утопленников и «выпавших» из окна старались отрядить в разряд самоубийц и случайных происшествий...

– Этот же, как назло, был прикован к куску гранита и связан. Хитроумный сотник не сдался и сочинил целый опус, который потом на всех углах скандировали неведомо как добравшиеся до бумаги скоморохи. Как выяснилось, сначала мертвец приковал себя цепью к граниту, а потом связал, чтобы не впадать в соблазн открыть замок кандалов, когда начнет тонуть.

Я отдышалась, утирая слезы:

– Надо было добавить: а ключ съел!

– Порекомендую тебя сотнику. Не думаю, что это последний случай, – усмехнулся колдун.

Но и злить меня он не переставал, каждый раз находя все более изощренный способ задеть побольнее. Я послушно злилась, ругалась, когда он в очередной раз подставлял мне подножку. Бесилась, когда бегала по лесу за зайцем, пытаюсь попасть в него из лука, утыкая стрелами все окрестные деревья. Заяц оказался счастливчиком – в него я попасть так и не смогла, а на ужин мы в тот вечер ели кашу. Палки мы крошили одну за другой, один раз мне даже удалось ткнуть этой палкой колдуна, за миг до того, как она рассыпалась пеплом прямо в моих руках. Исток поднимал голову, но послушно стихал. Не знаю, насколько тут было моей силы воли, а насколько спокойного голоса колдуна, вкрадчиво убеждающего исток скрыться обратно и не портить жизнь хорошему человеку. Подозреваю, под «хорошим человеком» он имел в виду совсем не меня.

Мы сидели у костра, мужчина мирно прихлебывал из кружки настой таволги. За эти восемь дней он выспался, загорел и даже раз побрился. Этого подвига хватило ненадолго, с бородой вид у него был благообразный, с трехдневной щетиной – разбойничий. Может, ему действительно шло, может, я просто привыкла, но он перестал походить на неприкаянного бродягу. Обычный молодой мужик, в меру ехидный, в меру упрямый...

– Ладно, по крайней мере, на людей ты больше не кидаешься. Можно и в Инессу ехать.

– Уже?

– Понравилось на вольных хлебах или со мной?

– Невелика наука – тебя терпеть, – фыркнула я, не отвечая на прямой вопрос.

– Если терпишь меня, вытерпишь и других.

– Самомнение притуши, костер не видно, – парировала я, и Майорин довольно осклабился. Верно, во мне что-то изменилось за эти дни. Он изменил.

– Осталось еще две вещи, но тут я тебе не помощник.

– Почему? – Зря спросила, потому что он ответил.

– Я не буду тебя пытаться и спать с тобой не буду. Да и не думаю, что ты сама захочешь.

Или захочешь?

– Пытать?

Он расхохотался. А я, неожиданно для себя, обиделась. Не разозлилась, но надулась как маленькая девочка, заслужив еще несколько шуточек.

Заснуть мне в ту ночь удалось лишь к утру. Я прислушивалась к мерному дыханию колдуна и боролась с желанием разбудить. Задать самый главный вопрос, мучивший меня все восемь дней. Вытерпев несколько часов пытки, я все-таки растормошила колдуна.

– Что? – сонно пробормотал он, пытаюсь от меня отвернуться.

– Майорин. Проснись же!

– Ну? Там контур. Восемь дней никаких проблем не было...

– Майорин! Почему ты со мной возишься?

– А? – Колдун открыл глаза. – И для этого ты меня разбудила?

– Ответь!

– Дура! – резюмировал колдун.

– Почему?

– И я дурак. Награду хочу от твоей матушки получить, вот верну тебя домой, такую замечательную, целую, невредимую и тупую, как осиновое полено, и построю себе домик в окрестностях Вирицы. Давно мечтал. Ясно? Теперь отстань.

Самое смешное, что это могло быть правдой. Я откинула одеяло и пошла бродить по берегу.

– Айрин, не дури! Иди спать, – окликнул меня навес.

– Иди к лешему! – Ему удалось сегодня задеть меня два раза. И оба не специально. Колдун подкрался, бесшумно вынырнув из темноты, схватил меня за руку и потащил в круг.

– Идиотка проклятая. А завтра ты свалишься с лошади от усталости?

– Беспокоишься о моем здоровье?

– О своем гонораре! – выплюнул Майорин, заталкивая меня под навес. – За тебя живую и здоровую заплатят больше.

– Тогда можешь не беспокоиться. – Я вырвалась. – Я же быстро восстанавливаюсь. Потерпишь меня еще денечек, кости срастутся, и ссадины заживут.

– Спи давай. Боюсь, Владычица с меня еще золота требует за твое возвращение. Ученица!

– И шкуру спустит! – добавила я.

– Спустит. Надо было утопить тебя в речке. Какой шанс упустил. – Я улыбнулась пожелтевшей хвое навеса. Ни о каком гонораре не могло идти и речи. Как и в Мыльнях.

– Ты не из тех, кто проходит мимо, да?

– Мимо тебя бы прошел, ты не в моем вкусе, – буркнул он, привычно устраиваясь на правом боку.

– Спасибо, – прошептала я.

– Еще одно слово, и я тебя свяжу, затолкаю в рот грязную портянку и в таком виде отвезу домой.

– Конечно, – согласилась я, – именно так ты и сделаешь.

2

До Инессы отсюда десять дней пути. Если верхом. Но если сплавиться по Урмале – уже на сутки меньше, а если в Роканке – небольшом городке на север по течению – воспользоваться штатным телепортом, то сократится еще на четыре. Именно так мы и рассчитали дорогу. Но, как известно, колдуны предполагают, а сила располагает.

В Береговницах причал смыло еще весенним паводком, а восстановить руки не дошли. Мы поехали до Боровой переправы, где ходил межбереговой паром, соединяя рассеченные рекой концы восточного тракта, самого оживленного в Велмании. К другому берегу приставала баржа, на которой мы собирались доплыть до Роканки.

Стрелка, кобылка колдуна, начала хромать к вечеру, когда до переправы оставалось пару часов езды. Лошадь сначала оступалась, но послушно рысила, а потом заупрямилась и перешла на шаг. Майорин осмотрел ногу и недовольно цокнул языком.

– Подкова отошла, придется искать кузнеца.

Кузнеца мы нашли в селе у переправы, но добрались туда уже к сумеркам, подстраиваясь под тяжелый шаг охромевшей кобылы.

Паром ушел, а кузнец запил. Майорин не ждал милостей от судьбы и, к радости жены кузнеца, заставил его выпить некую дрянь. Четверть часа мужика тошнило в заботливо подставленный ушат, когда тот переставал блевать, колдун заставлял его пить дрянь дальше. Огромный, на голову выше колдуна и в два раза шире в плечах, кузнец безропотно подчинялся ставшему бесцветным хрипловатому голосу.

– Пей, – повторял колдун.

Удовлетворившись результатом, Майорин вручил кузнецу аванс, лошадь, склянку со стимулятором и отправил в кузню – работать.

На ночлег мы остались здесь же: у кузнеца. Быстро спрятав две серебрушки (можно было и без них обойтись, вывод из недельного запоя – четыре стоит), жена хозяина постелила нам в зимних комнатах. Кузнец, когда не пил, работал исправно, не без выдумки и зарабатывал хорошо, отстроив себе двухэтажные хоромы, с верхними летними комнатами на втором этаже. Я впервые за десять дней спала на кровати, но отчего-то всю ночь прокрутилась, путаясь в одеяле. Мне на зависть, утром вид у Майорина был довольный и выспавшийся, видно, ему мягкая перинка пришлась по вкусу.

Завтрак добрая женщина накрыла царский, я украдкой сунула в карман пару вареных яиц и потом мучилась совестью, когда она торжественно вручила мне узел со снедью, собранной в дорогу.

Кузнец перековал подкову. Но на паром мы опять опоздали, теперь колдун грозился сдать проклятую скотину на живодерню, живописно разъясняя то ли мне, то ли лошади, что там с ней сделают. А ничего не сделают, думала я. Знала: этот не сдаст. До последнего будет возиться с ней, пытаться вылечить, выходить, а если не сможет, самолично прирежет. Но только если это будет единственный выход. Но описывать грядущие ужасы у него выходило очень красочно.

Пришлось остаться в селе еще на один день. Майорин опять помрачнел, на вопросы отвечал односложно и по возможности старался не разговаривать вообще. Воспользоваться гостеприимством кузнеца второй раз мы не рискнули, сняли комнату в трактире «Большой яшень» – яшень, может, был и большой, да никто его не видел. Трактирчик был маленький, не чета шумному заведению по ту сторону реки. Я больше любила такие маленькие трактиры, где хозяин знает каждого гостя в лицо. Колдун уселся в самом темном углу, попросил себе пива и медленно цедил. И пиво и слова.

– Я пойду погуляю...

– Иди.

Село было огромным, но оставалось селом. Ни каменных или дощатых мостовых, только пыльные дороги. Не было здесь и крепостной стены или даже забора, если не брать в расчет небольшой заставы на берегу, приютившей ратных, следящих за покоем переправы. Около рынка пахло рыбой – Урмала в этом году родила щедро. Я бродила меж домов, заглянула ради интереса в знахарскую лавку. Ассортимент радовал разнообразием и печалил ценами. Можно подумать, они даже пустырник для успокоительной настойки в небесных куцах собирают – серебряный. Грабеж, но ничего не поделаешь – самый оживленный тракт страны.

– Сударыня что-то выбрала? – заискивающе спросил знахарь.

– Сударыня думает, – в тон ему ответила я. – Сейчас она подумает и, пожалуй, уйдет – ее пугают ваши цены.

Знахарь поджал губы и нахмурил редкие бровки, но стерпел.

– Сударыня не похожа на пугливую, она должна понимать, что хорошее лечение стоит любых денег.

– А у вас есть такая мазь, которой можно залепить рану?

– Заживляющая? – оживился торговец.

– Скорее, закупоривающая. – Я улыбнулась ступору знахаря. Но он честно попытался отработать грабительские цены, оставив прилавок множеством баночек и сверточков. Я добропорядочно перенюхала все. После чего расчихалась и ушла. Напоследок заверив знахаря, что будь у него то, что мне надо, я бы обязательно купила. Но он, похоже, решил, что я издеваюсь.

После пряного запаха знахарской лавки меня потянуло на свежий воздух, и я побрела к переправе, с интересом изучила механизм паромов, курсирующих поперек реки. Быстро устав от гомона толпы, побрела вдоль берега, прочь от заставы за высоким частоколом, с наслаждением пиная мелкую речную гальку босыми ногами – сапоги я несла в руке.

– Сударыня не боится одна гулять? – Сперва мне подумалось, что меня выследил знахарь – мстить за унижение, больно фраза построена похоже была. Но потом сообразила, что молодой борзый голос не может принадлежать тихому, дребезжащему всем телом старичку. Внешность оказалась под стать голосу: пшеничные волосы чуть не достают до плеч, яркие голубые глаза нагло меня изучают, хотя изучать в общем-то особо нечего. Парень, молодой и статный, прекрасно знал, что хорош собой. Он белозубо улыбнулся и подошел ближе.

Я не из тех женщин, которые хороши из любого положения, а подступиться ко мне сейчас можно только спяну или сослепу: потрепанная рубашка выпущена из штанов, которые за неделю жизни в лесу подозрительно на мне болтались, ресницы и брови наверняка выгорели, а волосы заплетены в толстую косу. Сама по себе коса была ничего... может, на нее польстился...

– Вы меня испугались?

– Что вы, милсдарь! Просто мучаюсь догадками, отчего такой почтенный молодой человек заинтересовался моей никчемной персоной.

Он смеялся так, будто я удачно пошутила. Но глаза не смеялись, только рот.

– Боюсь, сударыня не раз слышала подобные ответы.

– Но я все равно с удовольствием послушаю, – весело сказала я, пятясь от него. Мой кавалер это заметил, резко махнул рукой, будто шутливо приветствуя кого-то.

К горлу лег нож.

– Я видел тебя с колдуном из Инессы, – начал объясняться белобрысый.

– С каким именно? – задиристо уточнила я.

– А ты не промах. Хотя не знаю, что он в тебе нашел.

– Тебе не найти, ума не хватит. – Хамить не стоило, нож сильнее впился в горло. Лишь бы не прорезал кожу.

– Где этот ублюдок? Я видел вас вместе вчера! – Значит, речь шла о Майорине. Уже легче.

– Гуляет. Я ему не нянька.

– Дура, я убью тебя, а выродка этого все равно найду. Неужто жить не хочешь?

Язык мой заметал вперед меня:

– Без него мне и свет белый не мил. Но ты меня не убьешь, убьют твои слуги, а ты будешь смотреть, как они меня убивают, как все трусы. – Породистое лицо залилось краской, вот кому надо было жить в лесу с колдуном, уж тот бы отучил его злиться. А язык надо бы откусить. Он кивнул своему слуге, лица того я не видела. Нож исчез, теперь на шею мне давила жилистая рука. Белобрысый размахнулся и заехал мне кулаком в живот. Воздух со свистом вылетел из легких, я скрипуче застонала.

– Говори. – Все равно ведь найдут. Предупредить бы... Второй раз он ударил меня по почкам.

– «Большой яшень», – выдавила я. Белобрысый сделал подручному знак, тот плотнее прижал меня к себе. Белобрысый снял кожаный браслет с моего запястья и ушел.

Первое, что сделал подручный, связал мне руки и ноги. Я брыкалась, пыталась вырваться, но после ударов белобрысого двигалась вяло. Слуга затянул последний узел и бросил меня на камни. Я больно ушиблась щекой о гальку, но кожа удержалась – не лопнула.

Лежать на холодных камнях со стянутыми за спиной руками не слишком умиротворяющее дело. Злиться в таком случае естественно. Я старательно убеждала себя в этом. Злиться надо так, чтобы только разбудить исток. Но вожжи не отпускать. Исток лишь часть меня, часть, которая мне подчиняется...

Был в моей жизни день, который я старалась никогда не вспоминать. Я закрыла глаза, шаг за шагом перебирая каждый миг того дня с наслаждением мазохиста. Когда я открыла глаза, вокруг меня шевелились камни.

«Даже чистая сила может быть оружием. Позже ты научишься ею управлять».

Пока Майорин учил меня не злиться, я училась злиться тогда, когда посчитаю нужным. Я привыкла учиться всему сама, не дожидаясь учителей, да и что они могли дать человеку?

Камень, выбранный мной, задрожал.

«Злость это не самый лучший союзник, Айрин, можно растормошить ею исток, но чтобы им управлять, потребуются трезвый ум».

Камень оторвался от земли. Но тут же упал обратно. Подручный обернулся, помахал передо мной ножиком. И тут слова колдуна дошли до моего сознания особенно ясно. Чистая сила – тоже оружие.

Мне не нужен был камень! Сила хлынула из меня, подчиняясь мне полностью, безраздельно. Хлынула в подручного, лучше любого камня огрев его по макушке. Мужчина завалился на землю, застонал и затих.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться и усмирить исток, намного меньше, чем раньше. Я, как большой червяк, подползла к ножу, перевернулась, села и начала пилить веревки.

Встала я со второй попытки, но исток добросовестно восстанавливал ущерб, нанесенный его вместилищу, и боль постепенно отползала.

Нож я забрала в качестве трофея.

Однажды в Инессу приехали цитадельские маги. Главный из них сидел в нашей горнице, когда я принесла вино и моченые яблоки (служанок – хордримских девушек, мать погнала, слишком важным был разговор).

– Владычица бережет силу, не тратит по пустякам? – спросил гость, стараясь задеть собеседницу.

– Берегу. Не след разбрасываться чарами, когда сгодятся и сноровистые руки.

– В Инессе не хватает источников или чародеев? – И первого и второго было в достатке.

– Не обманывайтесь, милсдарь. Но если мои чародеи потеряют силу, они возьмутся за мечи. И в этом не оплошают.

Гость тогда смолчал, но снисходительный тон оставил, присматриваясь к инесским колдунам – у каждого при себе было оружие, и каждый им владел.

Женщины зависели от магии больше, может, оттого я провела полжизни, обучаясь держать в руках оружие или биться в рукопашной. Хмурили брови седые старцы – не след девушке хвататься за холодную сталь, когда рядом есть мужчины.

Нож удобно лег в руке, прячась в просторном рукаве, я знала – тонкая льняная ткань не сдержит хорошего клинка, а клинок был хорош. Я зашнуровала сапоги, мало ли что под ногу попадет. Острый камень или ореховая скорлупа одинаково больно поранят стопу. Сапоги шили для меня. Ни каблука, ни деревянной подошвы, только несколько слоев толстой, грубой кожи, в таких можно бежать, не боясь оскользнуться. И я побежала.

Быстро и легко по берегу, чуть медленней в толпе у причала, от меня отшатывались, кричали вслед, но я все бежала, считая вдохи и выдохи. Собыешься здесь – собьются и ноги. Еще одна наука отроков в Инессе – раз прошел, не забудешь никогда. Пронесешься по лесу, а потом закроешь глаза и расскажешь наставнику, что видел по дороге. Не поленился, сходит проверить. Выворачивать на улочку, где стоял «Большой ясень», я не стала, свернула на параллельную.

Обогнув трактир, заглянула в окно, распахнутое по летнему времени. Мы с белобрысым добрались почти одновременно. Видно, он еще ждал подкрепления, да шел пешком.

Один прийти к колдуну он не решился, знал, с кем дело имеет. Удивительно, но не подстерег, как меня, в безлюдном месте. Или наоборот? Боялся остаться с белоглазым колдуном без свидетелей, думая, что не переживет такой встречи?

– Рон, – без удивления прошелестел холодный голос, – пришел-таки?

– Что же ты от меня по углам прячешься? Боишься?

– Руки марать неохота. – Рон заскрипел зубами, но дернувшемся было подручным показал стоять за спиной. Я осторожно шагнула вдоль окна, но Майорина все равно не разглядела, зато белобрысый со свитой были как на ладони.

– Я не буду просить поединка, я буду просить суда.

– С чего бы? – Не видела, но знала: левый уголок губ приподнялся вверх.

– Ты нарушил условия, использовал свою чародейскую силу для победы.

– Лжешь. Даже не пытался, нужды не было.

– Ты убийца. И ты заплатишься за нарушение законов поединка.

– Твой брат знал, на кого поднимает руку. А ты остался в выигрыше, должен доволен быть.

– Я потерял брата, – зло бросил Рон.

– Зато приобрел знатное наследство, не рад?

– Золото не заменит мне его!

– А по-моему, уже заменило, – хмыкнул колдун. – Вон каких себе побратимов нанял, они, поди, побойчее твоего старшего будут. Что делать – не велят, наоборот, слепо подчиняются.

– Ты придешь на суд, колдун.

– Не чувствую себя виноватым.

– Пойдешь, твоя девка у меня. И я спущу с нее шкуру, хочешь умыться и ее кровью?

Некоторое время Майорин молчал.

– Чем докажешь?

Рон достал кожаный браслет из мошны на поясе. Швырнул колдуну.

– Доволен?

– Вполне. – В окне мелькнуло испуганное лицо трактирной девки.

– Уйди, дура, не мечись под ногами. – Белобрысый ухватил ее за косу и отшвырнул к кухонной двери. Служанка торопливо спряталась в проеме. «У кухни свой вход», – вспомнила я. На него выходили окна моей комнаты. Я завернула за угол и уперлась носом в забор, ограж-

дающий хозяйственный двор. Забор был новым и добро сколоченным, легко не перелезешь, щели не найдешь. Пришлось бежать до тележных ворот, цепь накинули для порядка – я меж створок пролезу.

На ступеньках стоял незнакомый мужик, стоял напряженно, готовый в любой миг ринуться на помощь к своим в трактире. Меня он не заметил, слишком внимательно вслушивался в разговор внутри, не думая, что угроза пойдет со двора. Кожаная подметка не издала ни звука, левой рукой я зажала ему рот. Сейчас! Не дать опомниться!

Правая рука замерла. Нож, который должен был перерезать мягкое незащищенное горло, замер. Я знала, что делать. Знала малейшее движение...

Он резко выгнулся назад, будь я на пядь выше, он угодил бы мне затылком в лоб. Но я успела нырнуть вниз, извернувшись лаской, отпрыгнуть назад.

Я ждала крика. Он молчал, велика ли угроза – девка, не решившаяся его убить. Ухмылка вышла мерзкой, масляной.

Пятиться долго не вышло, на седьмом шагу меня встретила поленница, сложенная вдоль забора. К оружию мужик не притронулся, решил взять голыми руками. Я зло смотрела на противника, хотя злилась на себя. Сколько раз я раздумывала над тем, как придется забрать чужую жизнь, но не так. Не со спины.

Девка глупая, прав колдун. Предупредила, называется. Исток зашелестел внутри пеплом, который разносит ветер. Голову и руки залил жар, ставший за несколько дней привычным. Что бы случилось со мной, не встретить мы Майорина? Или ничего? Знала ли моя матушка, как вести себя с пробудившимся истоком, может, и ее не взял бы соблазн испытать чистой силы?

Везение ли? Рок? Я сплела руки ладонями наружу и изо всех сил толкнула вперед воздух. Зашелестела земля, зашумела листва на старой вишне, срываясь с веток. Противника сбило с ног. Остаток двора я пролетела, будто исток гнал и меня, захлопнула дверь перед удивленным недоумевающим лицом. Засов задвинулся, чуть скрипнув в пазах.

В зал я ввалилась красная, растрепанная, тяжело дыша.

– А ты говорил, что схватил ее. – Ни один мускул на лице не дернулся. – Видно, девку спутал, они, знаешь ли, все чем-то похожи... Коса, грудь...

– Как? – перебил колдуна Рон.

– ...попа, – закончил Майорин.

Немногочисленные посетители, затихшие было, ожили, засмеялись.

– Значит, по добру ты не пойдешь?

– Не пойду, – согласился колдун, хрустнул костяшками пальцев, разминая руки. – Мне и здесь хорошо.

– Тогда – взять его! Я наместник переправы, приказываю тебе сдаться. Это последний раз, Майорин. Слышишь!

– До наместника дослужился? Думал, эту должность твоему брату пророчили, тоже по наследству перешла? – Рон побелел. – Смотрящего пригласите. Без него с места не сдвинусь.

– Девку в поруб.

– За что? – опешила я.

– За вооруженное нападение на ратного.

– И какое у нее было оружие? – уточнил колдун.

Я осмелела и прошла через зал, села рядом на скамью, предательское желание нырнуть ему за спину пришлось задавить в зародыше.

– Боевая коса, – съязвила я.

– Ты его придушила? – Колдун улыбнулся.

– Никогда!

В дворовую дверь заколотили.

– Иди проверь, – кивнул Рон одному из ратных.

– Она меня с ног сбила чародейством, колдунья! – ткнул в меня пальцем ратник, стерегший кухонную дверь.

– Взять под стражу, руки связать! – приказал Рон. Я почувствовала, как горят ладони. Майорин тронул меня за плечо.

– Держи исток, – шепнул он одними губами. И уже громко сказал: – Не трогайте девку, я сдамся.

– Хорошо, – не слишком доверчиво согласился Рон. Колдун встал и покорно протянул ратному руки, я узнала веревку. Такими вязали мальчишек, заставляя их почувствовать себя лишенными силы. Сплетенная из конопли с серебряными заговоренными цепочками, она резала запястья. Но самое важное здесь нельзя разглядеть невооруженным взглядом: асбестовое волокно глушило силу, поглощая ее.

– Майорин?

– Возьми лошадь и отправляйся в Инессу, Айрин, – спокойно сказал колдун.

Его увели, а я, к своему стыду, сидела как прибитая к скамье и тупо таращилась в одну точку. Меня Рон не тронул, только презрительно фыркнул, когда проходил мимо, и добавил напоследок:

– Вас, колдунов, на цепи держать надо, пользы от вас никакой, только вред.

Очнулась я от голоса трактирщика:

– Плати давай.

– За что?

Он кивнул на пустую кружку на столе. Я торопливо зашарила в карманах, выложила несколько медных монет.

– Хватит?

– Хватит. Ты это... ночуй, ежели хочешь. Колдун твой за постой заплатил.

– Да. Хорошо.

– Ну, я тогда велю постель там расправить.

– Спасибо. – Трактирщик развернулся, прихватив кружку. – Милсдарь...

– Щелкун, – с готовностью ответил он, будто ждал, что я его окликну.

– Милсдарь Щелкун, вы знаете, за что его наместник?

– Долгая история... А там посетители подошли...

Серебряная корона, глухо звякнув, легла на стол. Некоторое время трактирщик ее изучал, не прикасаясь.

– Ладно, только пива себе принесу. Будешь?

Я кивнула.

Он поставил две кружки с пенными шапками, высоко вздымавшимися вверх. Сел на противостоящую скамью.

– Дело было месяца четыре назад, как раз посреди зимы, когда санный путь переполнен народом. Тут и мех везут, шелк, золото... Купцов видимо-невидимо, все таверны битком забиты, сани прямо посреди улицы останавливают. Ну и разбойные люди тоже не спят, куда без них. Такие обозы всегда себе колдуна в помощь нанимают, в одном из них твой и был. Что тут скажешь, жуткий он – сама знаешь, глазом зыркнет: все на шаг назад отходят, зато и лихих людей можно не бояться с таким защитником. Места ему в таверне не было, тут и купцов некуда селить, не то что свиту. Остался он с охраной добро стеречь. А зима трескучая стояла, морозная. Сам не видел, но люди рассказывают, брат нашего наместника, глава ратных, досмотр им устроил. Мол, что везете, куда везете? Семья их не бедная, отец наместником был. Хороший мужик, но не без слабости: здорово руку в казну запускать любил. Вот и сынки в него удачились. Крон вроде как намекал: мол, вы мне виру скиньте, а я от вас отстану, не буду

глаза мозолить. Да только кто колдуну указ, наемники, быть может, скинулись бы, заплатили, среди них разные есть. Кто с каторги бежал, кто отработал, кто не попался, да она, родимая, по нему волчьими слезами плачет. А колдун послал его к купцу, по пути предложив заглянуть в несколько мест. Ох, как Крон лютовал! К купцу он не пошел, но зуб на белоглазого навестрил. Купец, видно, сильно утомился да перемерз, шутка ли – с самого северного Хордрима шли, три дня отдыху назначил. А виру Крон в первую ночь просил. Наутро они трапезничать пришли. Наемники давай наперебой купцу рассказывать, как колдун Крона отвадил, а колдун только сидит, глаза щурит. Я смотрю, а он в кольчуге и при мече, хотя до этого у него только нож видели. Может, сказал кто, может, чутье чародейское что подсказало, да только пива колдун не пил, цедил квас и грелся. К тарелке и не притронулся тогда. А у купца дочка с собой была. Хороша девка, ничего не скажешь. Волос черный, глаза как два янтаря, эдакая ласточка маленькая, юркая. Семнадцатый год пошел, говорили.

Вечером Крон пришел с ратными. Заказали пива, мяса, сидят, пируют, я голову ломаю, за что мне такая честь выпала. А потом смотрю, взгляд у него стекленеет, но с купцова стола не сходит. Да все больше за дочку цепляется.

А та дурица рада-радешенька, то плечом поведет, то голову призывно склонит. Все красуется, да как не покрасоваться молодой девице перед красивым мужиком, у которого меч при поясе и пятеро молодцов свиты.

Может, и вправду она Крону по вкусу пришлась, может, купцу за колдуна отомстить решил... Пропала девка, вышла во дворик нужду справить и не вернулась. И Крон быстро засобирился. Дальше только сплетни да слухи... Может, купец колдуна сам позвал, может, он не только кольчугу надел, но и сторожить купца возле корчмы остался... Скажу, что своими глазами видел. Колдун зашел в зал, за ним девка плелась. Плакала, жалась к нему, дрожа осиновым листом. Папку завидела, бросилась, давай что-то лепетать, да только купец аж почернел весь. Встал, за нож схватился, что ему колдун сказал, тоже не слышал. Да только ушли они вдвоем.

А наутро на главной площади Крона в таком обвинили, что, будь его батька жив, быстро бы выпорол сынка, не посмотрев, что тому двадцать пятый год шел. Но Крон трусом не был, дураком был, а вот трусом никогда – предложил он купцу дело судом богов решить. Поединком.

Колдун сам вызвался, никто его не просил. Отговаривали Крона с ним биться, мол, не может отродье чародейское честный бой держать, не удержится – использует силу колдовскую. Но я уже говорил, трусом Крон не был. А колдун слово дал: только меч, ничего боле. Ни жеста, ни слова, только меч. Верить слову не стали, смотрящего мага вызвали, наблюдать за боем...

Может, ваши колдовские боги и не вмешивались... да только сам бес его силой да ловкостью одаривал, а леший потом драться учил. Крон вокруг него как щенок бегал, меч все из рук выпускал, будто тот маслом вымазан. Как он злился, а колдун стоит спокойно, устал, конечно, взмок весь, но и Крон уж шатался от усталости, а в толк все никак взять не мог, отчего тогда его белоглазый не убивает. Потом догадался... Проучить решил, унижить, а руки пачкать не желал.

Кто стрелу в него пустил, не видели. Да когда тут увидишь, все на них смотрели. И колдун ее отбил! Ты, девка, хоть раз видела, чтобы мечом стрелы отбивали? Я видел, в бою, когда стрел этих три сотни летит, две штуки отобьешь, от трех увернешься, а одна таки ужалит. И то готов ты к ним, когда залп поднимают – далеко слышно. Но одну, со спины? Виданное ли дело? Отвлекла его стрела, тут Крон и ударил. В спину, подло. Тогда-то все и поняли, что жалел его чародей, убивать не хотел. Хотя ошибаюсь я, вру. Не жалел – брезговал. Меч он мимо себя пропустил, увернулся, а рукой голой ударил под подбородок. Вся площадь слышала, как позвонки затрещали. Упал на снег тот уже мертвый. А чародей вроде как и расстроился, не собирился убивать. Да только не смог себя превозмочь – сделал машинально, как тело приучили.

Смотрящий не нашел к чему придрататься. Признал бой честным. Наместник тоже никаких претензий не имел. Наоборот, перед купцом извинились.

– И куда тот наместник делся?

– Как корова языком слизала, говаривали, под лед со свитой по весне угодил.

– Под лед... Спасибо, милсдарь Щелкун. Скажи мне, а смотрящий под лед не провалился?

– Нет.

– И где мне его найти?

– Ехала бы ты отсюда. Сам твой колдун виноват, сам влез, пусть теперь разгребает.

– Не могу, милсдарь. Должна я ему ни много ни мало – жизнь. А долги надо возвращать.

– Только сама пропадешь! Рон не чета братцу, он честно биться не будет. Он трус!

– Я заметила. Так где смотрящий живет?

– На третьей улице. Опомнись! Глупая, пропадешь!

Я помолчала, отпила доселе нетронутое пиво, на котором пожелтела и опала шапка пены. Можно казаться какой угодно сволочью, жалить словом, порой больнее, чем клинком, но никогда нельзя проходить мимо беды.

– Пусть твоя девка меня проводит. Я вернусь через четверть часа.

Когда я спустилась в зал, трактирщик только хмыкнул и толкнул вперед девку, ту самую, что таскал за косу Рон.

– Значит, колдунья все-таки?

– Значит, – не стала я спорить. Хотя смотрящего курткой с серебряными бляхами и мечом с инесским клеймом не обманешь...

Девка смотрела на меня дикими глазами и за весь путь не проронила ни словечка.

Смотрящий жил в высоком тереме с острой двухскатной крышей. На крыше вертелся из стороны в сторону ворон, клювом указывающий ветер, – символ Инессы. Издавна вóроны служили колдунам, приобретя мрачную славу и отплатив нам той же монетой, хотя к их пристрастиям в еде мы никакого отношения не имели. И если уж говорить о колдунах, могущих обращаться в этих черных птиц, то много вероятней, что единственная не польстившаяся на мертвечину на поле брани птичка – это тот самый оборотень и есть. Хотя разговоры про таких оборотней – это, конечно, сказки. Вторая ипостась оборотня похожа на северного, самого крупного волка.

Рука легла на дверной молоток.

– Кого леший принес?

– Из Инессы послание.

– Не жду.

– Еще бы, – буркнула я себе под нос, – слушай, а ты...

Но девка уже успела превратиться в силуэт с мотающейся из стороны в сторону косой. Убежала, трусиха.

– Ты, что ли, из Инессы? – От смотрящего мага Береговниц его отличала только бородка. Короткая и, несмотря на годы, почти не тронутая сединой.

– Я. – За еще одну серебряную я узнала кое-что про смотрящего. – Мастер Ральер. Доброго дня.

– Человек? – удивился он. – С каких пор Владычица доверяет людям? Или в Инессе теперь плохо с колдунами?

– Не намекаете ли вы, что одежда и меч краденые?

– Даже не знаю. И что вы хотите?

– Пустите меня в дом. Я не наемная убийца и не соглядатай. Вам нечего бояться.

– Именно с этих слов я бояться обычно начинаю. Ладно, проходи, как тебя звать?

Я ненадолго замялась, думая, называть ли свое настоящее имя. Решив, что ложь дело неблагородное, я назвала домашнее прозвище, которое более уместно среди близких, нежели у смотрящего в гостях.

– Рин.

– Проходи, Рин. Я тебя выслушаю.

Внутри дом смотрящего Ральера был изукрашен не менее обильно и старательно, но здесь больше постарались женские руки. На раскрытых окнах ветер трепал вышитые занавеси, у рукомоЙника висел рушник, расшитый велманским узором.

На столе скатерть беленого льна с узорной каймой, на сундуках и полках плетеные салфетки. Даже я, далекая от рукоделия (в том смысле что совершенно бездарная, и попытки вышивать крестиком напоминали о хордримских письменах, выполненных сумасшедшим со старческой дрожью рук), даже я восхитилась, восторженно цокнув языком.

– Это жена моя шила, – хвастливо поведал Ральер.

– Вы женаты? – Тут я снова оглядела горницу уже иными глазами.

Смотрящий внимательно выслушал меня.

– Я ничем не могу помочь.

– Но вы там были!

– Мастер Майорин много превосходит меня в силе, он мог скрыть свои чары.

– Да какие чары? Зачем?

– Замедлить движения противника. Или стрела была иллюзорной?

– Но тогда вы признали поединок честным.

– Тогда признал. Но потом...

– Только не говорите, что вас безмерно расстроила смерть прошлого наместника, и вы боитесь отправиться следом.

Маг сердито нахмурил брови.

– Рин – это сокращение, верно?

– Своя рубашка ближе к телу, – не ответила я на вопрос. Сидеть я больше не могла и начала расхаживать по горнице, рассматривая любовно вышитые занавеси, на каждой был свой узор. – Жена, детки... – Рука дотронулась до соломенной куколки в криво сшитой одежде.

– Инесса далеко. Рон близко.

– Отправили бы жалобу...

– Я цитаделец по происхождению, моя шкура мало кого заинтересует в Инессе.

– Вы ошибаетесь!

– Ты зашла бы сюда, если бы не потребовалось мое свидетельство за этого колдуна?

Я помотала головой.

– Кто он тебе?

– Наставник.

– Колдун – человеку? Езжай домой.

– Удивительно, как старательно меня туда все отправляют.

К вечеру ветер нагнал тучи, темные, мрачные. Пыль металась по улицам, слясь проливаться в скоро закрывшиеся окна, на меня она накинута, хлестнув по щеке жаркой ладонью приближающейся грозы.

Куда податься?

Оседлать Пеструшку и уехать домой?

Первые капли сорвались с набрякшей тучи в сухую землю, оставив крупные влажные следы. Я подставила ладонь, смотря, как она намокает под усиливающимся дождем, на западе

сверкнул длинный хвост молнии. Гром раскатился над переправой, глуша остальные звуки, хлопнули ставни еще не закрытых окон, попрятались в будки собаки.

Я сорвалась с места, на бегу накидывая капюшон.

У высокого частокола из потемневших от времени бревен остановилась. Верхушки у бревен, протыкавшие небо, тщательно заточены. Легко не перелезешь. Будь тихо, тут же залаяли бы собаки, предупреждая о приближении чужака, но небо снова сверкнуло раскатившимися алмазами молний, а их догнал гром. Собаки молчали.

Ворота стояли закрытыми, но калитка в них скрипела несмазанными петлями, мотаясь на ветру. Стражник вжался под козырек, прячась от плетей дождя, даже через плотную кожу куртки больно лупящих по спине.

Истoku нравилась гроза, они были похожи.

Я вытянула ладонь. Стражник тяжело опустился на землю, на лице застыла глуповатая полуулыбка. У него должен быть напарник, не остался же он один на посту.

Напарник выглянул из сторожки с флягой в руке. Как не погреться в такой дождь добрым вином, да и кто осмелится лезть на заставу?

– Эй, куда? – Я затолкала обмякшее тело в сторожку, подумала, достала пробку из фляги, щедро смочив мужчине рот и намеренно пролив вина еще на ворот. Даже на запах вино было крепким – вымороженным. Себе на память я взяла плащ, мне он был до пят, а глубокий капюшон надежно скрывал косу и лицо. Флягу я прихватила с собой. Огляделась. Но все попрятались от дождя. Теперь второй стражник тоже пах вином, флягу я ему оставила. Очнется – пригодится.

Найти порубы не составило труда. Три пятистенных сруба без окон с узкими отверстиями у самой крыши – пустить свежий воздух, выветрить вонь. Караульных было двое, они расхаживали по кругу, перекрикиваясь от скуки:

– Грозу, поди, колдун подозвал!

– Он в асбестовых цепях сидит, куда ему!

– Кто этих колдунов знает, слишком он смирный. Вот смоет нас к бесам, будет Рон знать, как руки к их брату протягивать.

– Тише ты! Еще услышит!

– Колдун или Рон?

– Колдун-то что? Пусть слышит! Эй! – Он постучал по двери одного из порубов. – Чародей, гроза твоих рук дело?

Мне из-за угла было не слышно, что ответила дверь. Но стражник так зло вскинул голову, что с нее упал капюшон.

– Паршивец! Я тебе сейчас задам трепку!

– Тише, Нетт, тише! Строго-настрога же наказали не заходить к нему!

– Да плевал я на их наказания! Язык оборву и выйду!

– Этот даже без магии тебе шею свернет, он только того и ждет! А не он – так Рон! – Видно, второй был умнее. – Вот не свезло в такую погоду на улице куковать. Кто из дома под такую дождину высунется...

Я вот высунулась... Гром развалился над головой, близко слышалось нервное лошадиное ржание.

Вскинутая рука опустилась. К порубам шел Рон. Светлые волосы потемнели от влаги, над полными губами мокрой паклей обвисли усы. За Роном тенью следовала его свита.

– У нас чужак. Из караулки пропал плащ, так что с каждого, кого встретите, сдергивайте капюшоны, – скомандовала Рон.

Как быстро...

Парни одновременно кивнули. Рон продолжил командовать:

– Нетт, от этих дверей не отходи. Томан, Елес, сторожите двор...

Если верить запаху и звуку, за порубами располагалась ратная конюшня. Прятаться там опасно – первым делом в таких местах искать будут, но если...

Рон и его свита прошагали в паре локтей от меня, я вжалась в стену, чувствуя, как мышцы спины вдавливаются округлыми вмятинами. Выждав некоторое время, я вынырнула из-за угла и открыто пошла к конюшне.

– Кто идет, снять капюшон! – подскочил ко мне ратный.

– Сам снимай! – буркнула я, наклоня голову ниже, с пропитанной ткани полилось. Сейчас важно было не ошибиться. Плащи одинаковые, сапоги тоже. Не угадаю, придется бежать, и бежать быстро. – Ты, Елес, совсем головой тронулся! Или сам пойдешь по стойлам лазить? Лазутчика искать?

– Терентий? Ты, что ли?

– Иди к бесу.

Торопиться было нельзя – начнут сомневаться. Не слишком много мужчин моего роста в ратные идет – таких обычно не тянет в военное дело. Но один-два найдутся. Повернув за угол, отдышалась, прижалась к стене. Бежать нельзя.

Сеновал располагался прямехонько над конюшней. Для вящей гостеприимности лестницы не хватало.

Карабкайся я так, меня бы быстро скрутили. Но что-то подсказывало, что наглость – второе счастье. Я нашла лестницу и неторопливо полезла к проему. Стоило мне скрыться за сеном, перед конюшней начался переполох.

– Мной представился! Зараза эдакая. Наглый какой! – ворчал паренек голосом с высокими нотками, действительно чем-то напоминающим женский.

Я рванула завязки плаща, который, промокнув, стал липнуть ко всему и сковывать движения. Пусть здесь остается.

О колдуне не могло быть никакой речи, надо выбираться самой.

– Проверьте в конюшне, а мы на сеновале! – визгливо крикнул Терентий.

Я упала на пол и поползла вперед. Свесилась вниз, смотря, что происходит в конюшне. Лошади беспокоились, раздраженные суматохой. Переливчато заржал красивый темно-гнедой жеребец, скребя копытом землю. «Наверняка кусачий», – не к месту подумалось мне.

В проходе меж стойл бегали люди.

Мне повезло. Конюшню, видно, достраивали, добавив к широкому проходу со стойлами с обеих сторон еще крыло, которое кончалось симпатичным тупичком, куда конюхи сгребали ссыпавшееся при кормежке сено, а может, накидали специально, чтобы соснуть часок-другой, пока нет никого. Сейчас конюхи бегали вместе со всеми по конюшне.

За спиной заскрипели доски.

– Он здесь. Плащ только сбросил!

– Или она! – крикнул Терентий. – Рон говорил, что была с колдуном девка. Кто ее в лицо видел?

– Я видел. – Этот голос я тоже узнала. Не зная, жалеть или радоваться, что у меня дрогнула рука.

Внизу никого. Сейчас!

Зашуршало сено. Не торопясь убежать, я нырнула под копну и забила в угол.

– Где же ты? Гостюшка? – раздалось над головой.

– Давай еще углы обшарим. Может, в сено зарылся?

Дырка в сене хорошего обзора не давала, но в боковом проходе было пусто. Лошадь топнула копытом и заржала.

Идея была безумной.

Первый крик я откинула, еще раздумывая, второй уже увереннее. Если кобыла в угловом стойле мялась, сомневаясь, стоит ли идти гулять без узды и всадника, то жеребец напротив –

вылетел стрелой. За углом слышались крики удивления и возмущения, но на их источники уже неслись еще семь лошадок, подгоняемых чистой силой. Люди пытались ухватить развевающиеся гривы, один смельчак даже рискнул цапнуть жеребца за хвост. Тот сломал ему ребра, самое меньшее. Кони, оставшиеся в стойлах, начали ломать двери, чувство свободы оказалось заразным.

Я сорвала со стены мот веревки.

Если бы промахнулась, ратники нашли бы растоптанное копытами тело, но я попала – используя выступ на стене как подножку, прыгнула на спину к гнедой кобылке и наддала пятками.

Дождь, темнота и куртка в цвет шкуры сделали меня почти незаметной, тем более я распласталась насколько возможно. Править было нечем, если только коленями. На мое счастье, лошадь к этому приучили, верно, когда стреляешь из лука, не очень-то поводом подергаешь. Каким-то чудом мы доскакали до частокола.

Руки тряслись – я слишком торопилась. С третьего раза удалось привязать к концу нож, с четвертого закинуть его меж остриями частокола и зацепить. Ни о каких узелках для удобства не могло быть и речи, зато веревка некоторое время валялась в навозе, а под дождем размокла. Меня не беспокоил запах, но руки скользили. Пришлось каждый раз поддевать ее ладонью. Где-то на середине содрала кожу.

Только не кровь...

– Вон он!

– Стреляй! Чего тянешь!

– А это, кажись-таки, девка!

Еще чуть-чуть. Половина моего роста...

– Может, камнем сбить.

– Стреляй по веревке, дубина!

Нет, только не по веревке...

Последним усилием я рванулась вверх, оцарапала и без того кровоточащую руку о заточенную верхушку и победно улыбнулась. Успела.

Стрела попала в плечо. Пальцы ослабли, но боли я не почувствовала.

Исток притупляет боль.

Вниз я летела довольно быстро, сжимая в руках бесполезную уже веревку.

Спасительница!

Ну вот Рону досадила, и то радость. Хоть и малая. Я усмехнулась, готовясь встретить землю и обозленных ратников.

Земля подо мной неожиданно разверзлась и пропустила дальше. Что происходит, я поняла, только когда с судорожным вдохом в легкие вместо воздуха устремилась вода. Следующий удар я встретила уже ногами, оттолкнувшись от дна. Боль в правом плече остановила поднятую для гребка руку.

Я вынырнула, отчаянно работая ногами, откашлялась, попыталась извернуться и ухватить стрелу. Не получилось – мокрые пальцы соскальзывали с дровяка. Ладони кровоточили, вместе с кровью выпуская силу, пока немного.

Я гребла одной рукой, медленно, тяжело – куртка промокла, плечо оттягивал меч. По воде бежала серебристая лунная дорожка. В темноте не увидишь противоположного берега широкой Урмалы, и, будь я в ином положении, обязательно бы насладилась красотой летней ночи после бурной грозы, когда из-за мохнатых опустошенных туч выглядывает краюха луны, призрачно купаясь во влажном одеяле.

Я плыла. Плыла по течению, лишь бы подальше от заставы. Еще не совсем поверив в собственное везение. Надо же, упала не назад к ратникам, а через забор, в пустоту. А пустота

обернулась не твердой землей, окружающей заставу с трех сторон, а рекой, где наместники выстроили собственный причал.

Вода за мной, должно быть, солоната от крови, из раны со стрелой начала предательски сочиться багряная влага. Вместе с силой. Исток рвался из клетки.

Гребок, еще один.

Я не успела.

В этот раз сила текла медленно, но остановить ее было не в моей власти. Десяти дней мало, чтобы научить человека быть истоком.

Здесь берег был высоким, крутым, просто не выберешься. Я ухватилась за первый попавшийся корень, вцепилась в него обеими руками, позабыв про боль. Но подтянуться уже не могла. От куртки с мечом стоило избавиться сразу, сейчас я боялась, что, разжав руки, уже не смогу зацепиться снова.

Не знаю, сколько я так провисела, насыщая энергией все живое, сама болтаясь меж двумя мирами. Очнулась я от того, что чьи-то ладони потянули меня вверх.

А я бросилась вырываться.

Но незнакомые руки удержали. А исток, найдя достойную цель, устремился в эти руки. И это придало человеку сил. Единным рывком он втащил меня на берег.

– Я сказал тебе: езжай домой! Сударыня Рин!

– Зачем вы здесь?

– Надо же... исток...

Будь сил чуть больше, я бы кинулась бежать. Но только приподнялась на здоровой руке.

– Исток, глупый и молодой! Хотя не слышал, чтобы вы доживали до старости.

– Зачем вы здесь?

– Я не такой подлец, каким тебе кажусь. Майорин сам напросился, лез куда не просят. Но тебя мне стало жаль. – Маг тяжело дышал. – Собери свою силу, девочка. Мне она не идет на пользу.

– Я не могу...

Он бесцеремонно обшарил мою куртку, сквозь полузабытье я чувствовала, как смотрящий, нашедший в кармане «вар», который сунул туда колдун, замазывает мне ладони. Смутно почувствовала боль, когда маг сперва протолкнул вперед, а потом, отломив наконечник, выдернул стрелу.

– ...надо?

– Что?

– Зашивать надо?

– Нет, само затянется. – Губы двигались с трудом. Видно, Урмала сегодня собрала царскую дань с моей крови.

– Сегодня, – сказал мастер Ральер, споласкивая руки над кадучкой, – будут казнить твоего колдуна.

– Вы же не хотели вмешиваться? – Я поскребла подсыхший вар под рубашкой. От раны не осталось и следа.

– Я не вмешиваюсь, я тебя предупреждаю.

– Я слышала, его повесят. – Жена смотрящего Карин поставила на белую скатерть кринку с молоком. Рядом пахли теплые круглобокие ватрушки, со сметанными шапочками в серединке. У меня заурчало в животе. – Плохо дело. Рин, ты ешь, не стесняйся.

Куда уж мне стесняться... Она не сказала ни одного бранного слова, когда ее муж притащил меня посреди ночи к себе в дом. Она нагрела воды и заставила меня отмыться от крови и грязи. Дала мне новую расшитую рубашку и широкую крашеную юбку. А сейчас по-матерински пыталась накормить. Мне было стыдно.

К столу вышли дети, и разговоры смолкли. Соломенная куколка принадлежала младшей, семилетней малышке с темными кудряшками и лукавым серым взглядом, вторая дочь, лет на восемь постарше – серьезная девушка с двумя темными косами и глазами отца. Старший сын, пепельноволокный парень, мой ровесник, вышел к столу с книгой в руках и, не дожидаясь остальных, принялся наворачивать ватрушки.

Исток внутри полыхнул. Сын пошел в отца, он тоже был магом.

Велмане верили в Трех великих Богов, я, выросшая среди колдунов, только в магию и природу, но все же почтительно склонилась, когда семья смотрящего опустила головы в безмолвной молитве. Заметила только, что сын Ральера не закрыл насмешливых серых глаз. Чародейство не уживается с богами, слишком много доказательств требуется колдуну, чтобы в них верить. Гораздо больше, чем человеку.

Ватрушки разошлись мигом, будто и не было их. Сама я опомнилась на пятой – от тяжести в животе, и замерла с недокусышем в руке.

– Ты чего? Застеснялась? – спросил Сворн, сын смотрящего.

– Задумалась. – Ватрушек больше не хотелось, но пришлось доедать. Здесь в трапезу не завернешь, чтобы до вечера сберечь, когда трапезничать еще рано, а есть уже хочется.

Сворн было застопорился в дверях, оглядываясь на отца, но тот лишь поджал губы. Парень понятливо кивнул и ушел, зазывая сестренку пойти на речку купаться. Подальше от наших разговоров и возводимой на торговой площади виселицы.

Я комкала поясok юбки: сверну трубочкой, сложу колечком, складочки ногтями выглажу. Смешно сказать, но Карин отдала мне одежду старшей дочери, по подолу юбки шел узор. Знающий прочтет, что принадлежит одежда молодой незамужней девушке, готовой принимать женихов (вот отчего мрачно смотрела на меня хозяйская дочь), – простые велмане сами вышивали себе одежду. В Инессе вышивку можно было встретить лишь на свадебных платьях и саванах. И мне все было неуютно в одежде, ибо ни первого, ни второго я пока не ждала и не хотела.

Вот странность человеческая – Инесса стоит на краю Велмании и Велманией считается, как и Цитадель Магии на севере, откуда родом Ральер. Но отличаются обычаи, и совсем иначе блюдут традиции. Ссмотрящему, видно, пришлась по вкусу такая жизнь. Мне сперва показалось, что он трус. Но пошел за мной, ждал, искал, выгасил из реки. А боялся не за себя, за них боялся. За свою семью, за дом... Можно осуждать, да только я уже не торопилась. Сама пытаюсь представить, что сделала бы я, будь на его месте.

– Пойдешь со Сворном. Никто тебя с ним не признает, да еще и в платье. А признает, отговоритесь.

– Мастер Ральер... – промямлила я. – А если с ним что случится?

– Он маг обученный, ничего с ним не случится. А случится, в Инессу его заберешь! И заступишься за него там перед матерью своей.

– Давно догадались?

– Как имя назвала, да за колдуна начала просить. Будто я не знаю, что в Инессе все люди либо хордримцы, а те своих баб дальше порога не пускают. Либо слуги, а те не бывают такими наглыми, как ты.

– Еще Милрадицы... – подсказала я.

– В Милрадицах твоих единицы оказываются. Ты дальше слушай. Пойдете на площадь. Сворн попробует веревку пережечь, да только если она от чар защищена, не знаю я, чего делать. Ясно?

– Ясно. Спасибо вам...

– Не помогал я тебе. А за спасение ты меня уже благодарила. И еще я ворона послал знакомцу одному. Успеет – поможет вам. Но может не успеть.

Коротая время до полудня, я помогла Карин перемыть посуду, нарезала зелени на крошку, намяла лука для пирогов. Рвалась помочь с уборкой, но сердобольная хозяйка отправила меня к мужу:

– Ты деточка грамотная, знающая. Иди помоги старику, у него глаза уж не те, все слезятся к вечеру от мелких буковок.

Ральер меня также работой обделил, но гнать не стал. Даже что-то рассказывал вслух, пока я распутывала высохшие волосы костяным гребнем.

– Пишут, бабочки неизвестные капусту пожрали.

– Гусениц, наверно, имели в виду.

– По их словам, бабочки, выходит. «Дыры, якость кочан насквозь видать, а сама бабочка белая, крылья прозрачные... каждое с ладонь...»

– Детскую?

– А может, мужскую? – насмешливо сказал смотрящий. – Якость насквозь видать...

– И вы каждый день подобное читаете?

– Это еще что... Не самое скучное. Вот другое послушай: «Кошка та ночью в девицу обращается и приходит к мужам порядочным, дабы украсть честь семейную да счастье из дому увести. Видывали ту кошку в новолуние или перед грозой. Милостиво просим изгнать сию бесовку, никакого удержу нет. Жены села Бобряново». Что скажешь?

– Удержу у них на мужей нет. Или на расшалившееся воображение.

– Куда там бабочке капустоедке... Знаешь, как порой тоскливо бывает? Вспоминаю, как молодым по тракту шатался, подряжался воевать на корабли в Алак-Грионе. Геройствовал, мечом махал, чары были простыми, девки добрыми. А потом выйду в горницу, посмотрю, как Карин у печи хлопочет, как девочки шуршат: старшая младшую грамоте учит. Как сын заклинание за заклинанием осваивает, а потом бежит мне показывать. И знаю – не зря я здесь капустниц с кошками гоняю.

– Сколько вам лет, мастер?

– Любопытная до чего девка. Много. Больше человеческого века. Видать, нам, магам, всегда больше отпускают боги.

– Вы в них верите?

– Карин верит. А я... Я в нее верю. Плохо, Айрин, когда веры у человека нет.

– Папа! Смотри, что мы на берегу нашли! Красивый какой! – Младшая вбежала, неся в вытянутых руках кинжал. Витая рукоятка полыхала хищными красными огнями рубинов.

– Где нашли? – нахмурился смотрящий.

– Можно посмотреть? – Я вытянула руку, и девочка послушно вложила в нее оружие. Исток среагировал мгновенно, к кинжалу потянулась сила. Я инстинктивно разжала руку. Кинжал с глухим стуком упал на пол. – Накопитель.

– Уверена? Рината, подними.

– Это не ваш?

– Нет. У колдуна такой видела?

Я покачала головой. Я не видела у Майорина никаких амулетов, тем более накопителей силы, очень сомневаясь, что они вообще ему нужны.

Вошел Сворн, дельно рассказал, что Рината собирала легкие плоские камушки для «блинчиков» и чуть не обрезалась о кинжал, не заметив.

– Надеюсь, ты помнишь, что такому оружию достаточно одной капли крови, дабы вытянуть из человека всю жизненную силу?

– Мы не знаем, отец, – с нажимом сказал парень.

– Хочешь проверить? – Ссмотрящий забрал у дочери кинжал и, стараясь не касаться лезвия, повертел его в руках.

– Можно не проверять. Он именно такой. – Брать в руки это подлое оружие мне не хотелось. Я встала и дотронулась указательным пальцем до голубоватой стали. Все верно, исток будто волной захлестнул мое сознание. Я убрала руку и закрыла глаза. Казалось, что я прикасаюсь к обессиленному чародею, стараясь заполнить силой пустоту. Но на миг мне привиделось, что я заполню не пустоту, а бездну.

Хватит. Убирайся, исток! Хватит! Я сильнее тебя. Это ты подчиняешься мне, не наоборот. Хватит!

Сознание вернулось. Я открыла глаза.

– Такие игрушки не теряют. Но могут оставить намеренно. И не хотела бы я встретиться с магом, владеющим этой мерзостью. Не оставляйте его в доме!

– И что прикажешь делать? Выбросить обратно – откуда взяли? – ехидно спросил Сворн. – Или отдать тебе?

– Нет! – Я отшатнулась от кинжала, чуть не врезавшись в парня. – Я не знаю. Решать вам, мастер Ральер.

– Я подумую.

– Скоро полдень. Пора идти на площадь. – Сворн кивнул отцу и вышел, бросив вслед: – Жду тебя на крыльце.

За ним поскакала Рината.

Я замялась.

– Чего ждешь?

– Дайте мне кинжал.

– Ты только что сама отказалась.

– Я поторопилась.

Ральер оглядел кинжал в своих руках:

– Зачем он тебе?

– Если он вытягивает силу из людей, может вытянуть из заклинания.

Кинжал, замотанный тряпкой, не давал мне покоя, я все время теребила кожаную кошелку на поясе, проверяя, не выпал ли. Если есть мощный накопитель, значит, есть и маг, помимо смотрящего, его сына и Майорина. Значит, можно рассчитывать либо на его помощь, либо на его противодействие.

– Рин, возьми меня под руку.

– Зачем?

– Возьми! – повторил Сворн, подставляя локоть.

Мы неторопливо шли по улицам, заполненным народом. Я все пыталась ускорить шаг, но спутник меня одергивал.

– Эй, Сворн! Здорово! – Паренек, шедший нам навстречу, был полнотел и неповоротлив.

– Здравствуй, Кажун.

– На казнь девушку ведешь? – прищурившись, спросил он.

– Веду.

– Не женское это дело – на смерть глядеть.

– Не женское, – согласился Сворн. – Да только одного не пускает – волнуется.

Я потупила взгляд, опустила голову.

– Не видел тебя в наших краях.

– Рин. Она из Милрадиц.

– Не волнуйся, Рин, иди лучше домой, – мягко посоветовал Кажун.

Я помотала головой.

– Пойдем. – Сворн потянул меня дальше. Кажун пристроился с другой стороны от приятеля, не переставая по-доброму его журить.

Виселицу срубили добрую – пятерых повесить можно. Нам удалось протиснуться в первые ряды, хоть перед нами все-таки торчали головы.

– Стой тихо, – шепнул мне на самое ухо парень, я крепче вцепилась в его руку – толпу мотало, и меня всё норовили оттеснить от спутников. Мужик впереди нас шатнулся на меня, чуть не сшибив с ног, запнулся о мою юбку.

– Навели тут баб, протолкнуться нельзя.

– Тебя бесы зеленые толкают, а не бабы, – фыркнула я.

– Что ты сказала? – визгливо взвыл мужик.

– Хватит. – Сворн дотронулся до его руки. – Иди с миром.

– Пришел смотреть, как собрата по ремеслу вешают?

– Пришел, – согласился парень. – И ты пришел. Иди с миром, пока можешь.

Спорить с чародеем без пут, пусть и очень молодым, мужик не решился, еще подышал на нас перегаром да отошел подальше, расталкивая людей.

– Любит нас народ, ничего не скажешь, – пробурчал спутник, подтягивая меня к себе. – Иди-ка поближе, пока еще один такой не выискался.

Но толпа замерла, люд перестал толкаться локтями. Вели колдуна.

Его, видно, били и валяли в грязи, а взгляд был до того мрачен, что глаза казались черными, а не светлыми. Но головы Майорин не опустил, он усмехался, зло, презрительно, искренне ненавидя каждого, кто пришел на площадь. И будто каждому смотрел в глаза.

Посмотрел и в мои. Посмотрел и споткнулся о невидимую стену.

Его толкнул ратник, заставляя идти дальше, занести ногу над первой ступенью помоста, где высилась виселица.

Я сжала руку Сворна, молясь, чтобы все получилось. Чтобы молодой неопытный чародей смог повторить заклинание, которое, по его признанию, ему всегда плохо давалось.

Ральер стоял на помосте, стараясь не смотреть в нашу сторону. Рядом с ним стоял наместник Рон.

– Тишина! – разнеслось над площадью, смолкли последние перешептывания. Продавщица жареных орехов перестала нахваливать свой товар и тоже уставилась на помост. – Этот колдун – Майорин инесский, нарушил священный кодекс магов и колдунов. Он магическим способом умертвил Крона с Боровой переправы. Так же подло старался убедить нас, что поединок, в котором пал отважный Крон, был честным. Со слов смотрящего мага Боровой переправы, мы знаем, что сие ложь. – Ральер поморщился под обжигающим ненавистью взглядом Майорина. – Еще, сговорившись со своими подручными, пытался устроить побег, в результате чего пострадала застава и погибли ценные кони, принадлежащие государству. Его подельники пали в схватке с нашими отважными ратниками. – Я впервые усмехнулась, значит, подельники и сговор. Может, у страха глаза велики, а может, у Рона язык без костей. Это уж мне никогда не узнать. – Главное, вы должны понимать, что перед вами человек подлый и опасный, готовый на все ради спасения собственной шкуры. Согласен ли ты с приговором, колдун?

То, что сказал колдун, слышала вся площадь, и вся площадь видела, как Рон залился багрянцем ярости и унижения. Но менять приговор с повешения на четвертование было поздно.

– Вздернуть его как последнего разбойника!

И верно, чаще колдунов сжигали на кострах, но подобного бы не потерпела Инесса, даже будь Майорин трижды виновен.

Колдун послушно, но как-то неловко влез на колоду, палач накинул ему на шею веревку.

Сворн рядом скрипнул сжатыми зубами.

– Привести приговор в исполнение.

Палач занес ногу для удара.

– Сейчас.

Кивок, парень поднял руку, сложил пальцы.

Колода вылетела из-под ног колдуна.

– Давай! – Может, я закричала. Не знаю.

– Сил не хватает, – почти простонал парень. – Она зачарованная.

Ну и бес с ним, пронеслось в голове. Я схватила его за руку и отчаянно захотела, чтобы исток наполнил эту впадинку. Наполнил его силой, насколько возможно.

Время остановилось, горячая волна пробежала по телу, устремилась в руку. Майорин начал хрипеть.

Исток рванулся в вспотевшего от натуги чародея, Сворн закусил губу, из-под белых зубов потекла тонкая струйка крови.

Ищущие опоры ноги безрезультатно царапали воздух.

Еще чуть-чуть. Что такое поглощающий магию асбест, когда рядом исток. Исток, заполняющий любые впадины, любые трещины. Вода точит камень, лава – плавит.

Веревка лопнула.

– Что за леший! – крикнул Рон. Майорин завалился на спину, закашлялся. – Что за леший?

Помост доставал мне до пояса, я пролезла вперед, расталкивая людей. Наместник поднял с земли три коротких отреза добротной конопляной веревки с асбестовым желтым отливом. Удара было четыре.

Один наш, а чьи остальные?

– Признаю эту казнь недействительной и противной богам. Кто решится оспорить? – Люди повернули головы. По огороженному проходу, где четверть часа назад шел колдун, будто танцуя, двигался неизвестный эльф.

– Кто посмеет оспорить мои права? – Наместник, кажется, был с ним знаком. Потому что багрянец сменила белизна. – Кто меня не знает? Я глава личной охраны государя Велмании Редрина Филина Алимарн Яриний. Кто оспорит мои слова?

– Никто, милсдарь, – еле разлепляя губы, прошептал Рон.

Народ подался назад, кто-то торопился покинуть площадь. Хотя эльф не пугал ни лицом, ни оружием. Наоборот, он был картинно красив, особенно в гневе. Нервно раздувались ноздри точеного носа, негодуяще скривились красиво очерченные губы, метали молнии синие глаза, отливали золотом коротко стриженные волосы. Мало кто в Велмании не слышал о нем, и мало кто слышал хорошее. Яриний славился жесткостью, граничащей с жестокостью. Но, надо признать, при его главенстве при дворе царил устрашающий порядок, а Яриний обладал почти безграничной властью. Он снял веревку с колдуна, легко перерезал путы на руках ножом и помог тому подняться. Майорин сощурил глаза, но ничего не сказал.

– Наместник Рон, уверены ли вы, что поединок был нечестным?

– Уверен! – не сдался наместник.

– Предлагаю вам поединок, я и смотрящий проследим за честностью боя. – Глава охраны государя повернулся к Ральеру. Маг странно завалился набок, силясь удержаться на ногах, хватаясь слабеющей рукой за ближайшего ратника.

– Отец! – крикнул Сворн, он метнулся к помосту, расталкивая людей, я побежала за ним. Парень легко вспрыгнул на невысокое сооружение, но меня кто-то дернул за юбку. Давешний мужик наступил на подол и выказывал мне недостающие зубы. Сворн уже бухнулся на колени перед отцом. Пальцы распутали узел на поясе, я отбросила заботливо вышитую дочерью Ральера одежду и взлетела за спутником. Зря Карин отговаривала меня поддеть под юбку штаны, послушайся я – сверкала бы голыми ногами.

– Что с ним? – Я не знала, к кому кидаться. К Майорину, который не очень-то твердо стоит на ногах и осторожно трогает посиневшую шею, или к Ральеру...

– Мертв. – Яриний еще не приблизился, но уже знал, будто чуя смерть. Колдун слабо улыбнулся, я подошла к Сворну, сидевшему у тела отца, положила руку на плечо.

– Отец. Как же так? – прошептал парень. Яриний наклонился над Ральером. Дотронулся до артерии на шее.

– Сердце остановилось. Отложим поединок.

– Нет. – Сворн выпрямился, сбросил мою руку. – Не надо откладывать. Я буду смотрящим.

– Ты? – удивился Рон. – Мальчишка?

– Я маг, – холодно произнес парень. – Сомневаешься?

Народ одобрительно заголосил, Сворна они знали хорошо и паренюку доверяли. Последний год звали чаще его, а даже если не его, то приходил все равно он.

Рон не посмел идти против толпы:

– Хорошо. Назначаю тебя новым смотрящим. Но без одобрения Инессы...

– Я одобряю, – хрипло прошелестел Майорин. – Как представитель Инессы.

Наместник нервно дернулся, шагнул ближе к ратникам, но те как замороженные смотрели на Яриния.

Для поединка освободили пяточок на площади, народ оживился, опомнились торговцы. Поединок пришелся людям по нраву больше, чем казнь. Тут и исход неизвестен, и ставки сделать можно, и поболеть за приглянувшегося героя. Смерть смотрящего несколько омрачила души, но не настолько, чтобы позабыть подколоть дружка и собутыльника глупой ставкой или излишним волнением.

Сворн стоял в первом ряду рядом с Яринием. Тот кивнул поединщикам, мужчины обнажили мечи.

Два блестящих на солнце лезвия зависли в воздухе, чтобы встретиться с равнодушным звоном. Какое-то время они примеривались друг к другу, кружа в медленном, будто ленивом, танце. Хорошим воином был Рон, хорошим мечником. Он оценивал колдуна, постепенно ускоряя атаки. Колдун больше отбивался, не торопясь нападать, но и выпады отражал один за другим.

Понятно, почему в прошлый раз некоторым показалось, что колдун воспользовался магией. Стоило Рону перестать осторожничать и рассматривать противника, как то же перестал делать колдун. Мелькнула серебристая молния меча, рассекая воздух. Мелькнула вторая... Как давешняя гроза метали бойцы молнии.

Первая россыпь алых бусин осталась на одежде наблюдающих за боем людей. Рон облегченно вздохнул – достал. Колдун этого и ждал.

Голова наместника покатилась к быстро отступающей толпе.

– Колдовал ли я? – прошептал Майорин.

– Нет. Это был честный бой, – громко сказал Яриний и уже тише ратникам: – Уберите здесь.

Ратники как во сне подошли к нему, готовые подчиняться приказам.

Майорин оперся на меч, вытер взмокший лоб и хмуро посмотрел на меня:

– Я же велел тебе уехать...

Ральера хоронили на рассвете, но поспать ночью мне не удалось. В доме смотрящего бушевало неприкрытое черное горе. Пахло настоем валерьяны, пустырником. Громко, навзрыд редела старшая дочь, тоненько пищала младшая. Сворн же всю ночь сидел с матерью, которая за эту ночь превратилась в старуху. Карин не плакала, она лежала, отвернувшись к стене, и молчала, закусив бескровные губы.

– Разве сердце могло просто взять и отказать? – спросила я колдуна, осторожно подтягивая нитку, он сверкнул глазами и не ответил. Не особо потреплешь языком, когда тебе штопают рану. Рон распорол ему внешнюю сторону бедра.

– Оно отказало не просто так, – отозвался Яриний. – Он тоже порвал веревку. Вы, Майорин, страшно везучий. Сворн, Ральер, я.

– Вы? – Майорин поморщился; может, мне показалось, но глава охраны вызывал у колдуна плохо скрываемую неприязнь.

– Ральер вызвал меня, я был неподалеку. Интересно другое: было четыре попытки. Кто четвертый?

Колдун пожал плечами.

– Сворн нашел на берегу кинжал, – продолжила размышлять я, – накопитель... Одной капли крови достаточно, чтобы он вытянул силу.

Майорин резко повернул голову и тут же скривился от боли.

– И где он?

Музык наступает на мою юбку, я торопливо распускаю узел пояса...

Тогда я думала только о Ральере.

– Где он, Айрин?

– Не знаю.

Выслушав мою исповедь, колдун посерел.

– Ты закончила шить?

– Да.

– Наложить повязку.

– Майорин, я тогда...

– Молчи лучше. Опиши подробно кинжал. – Он снова неосторожно повернул голову, потревожив шею.

– Скажите спасибо, что они петлю натягивают так, чтобы удушить, а не шею сломать, – утешил его Яриний.

– Спасибо! – прохрипел колдун. – Спасибо тебе, Айрин!

– А я тут при чем?

– Если бы ты не попыталась меня «спасти», – язвительную речь прервал кашель, – я бы сбежал ночью.

– С асбестовыми веревками на руках?

– Я их снял! Но после твоей помощи охрану утроили. А меня спеленали.

– Мог бы и так выбраться, раз такой умный и ловкий, – надулась я. Нога после вчерашних забегов еще ныла.

– Одно дело – незаметно оглушить двух-трех оборотов, другое – перебить дюжину ратников, служащих Велмании.

– Рону!

– А он служил Велмании. – Майорин зло на меня посмотрел и махнул рукой. – Глупая девка, я тебе что велел?

– Не смей на меня... шипеть! Змей подколотный!

– Успокойтесь, все обошлось. Даже законно!

Теперь мы уставились на эльфа. Он поспешил объяснить:

– По кодексу я имею право забрать любого смертника и предать его заслуженной каре.

– И что вы со мной сделаете? – невесело хмыкнул колдун.

– Поединок послужил заменой казни. Я давно хотел убрать Рона, он был почти неуправляем.

Над погостом кружили вороны, их не смущал мелкий морозящий дождик. Отпевать мага в храме не стали – он не верил в Трех Богов, а Карин не решилась идти против воли мужа. На похороны пришла половина села, все толпились вокруг, ежась от дождика. Староста загнал в гроб последний гвоздь.

Послышались напутственные речи, рыдания, вздохи. Мужчины опустили гроб в яму и расступились. Сворн провел мать к могиле, Карин пошатывало, и она с трудом наклонилась, чтобы взять горсть размокшей рыжеватой земли. Земля застучала по крышке гроба, пока не закрыла темное дерево от глаз живых. Дальше уже дело мужиков.

На поминки пришли только самые близкие, коих было немало, и мы. Я глупо себя чувствовала, выслушивая воспоминания о замечательном человеке, так рано нас покинувшем.

С темнотой все разошлись, и из гостей мы остались в горнице вдвоем. Из комнат вошла заплаканная Карин. Мы замолчали.

– Да вы говорите, я умыться...

– Давайте помогу!

– Да что ты, милая, сиди-сиди, когда руки заняты – все легче. – Руки дрожа попытались подхватить ухватом тяжелый горшок с теплой водой, стоящий на припеке. Майорин скачком оказался рядом, перенял древко ухвата.

– Не держат совсем, – извиняясь, прошептала женщина.

– Мама? Куда ты пошла? – Старшая дочь Ральера смотрела на нас подозрительно. – Пойдем, мама.

– Можешь что-нибудь сделать? – спросила я Майорина.

– Ее мучает не смерть, а жизнь.

– Ей плохо оттого, что он умер.

– Нет. Ей плохо оттого, что он больше не будет жить.

– Но разве это не одно и то же?

Колдун встал, убрал воду обратно на припеку и сунул нос в чугунок. Обнаружив там вчерашние щи, поставил снесь в центр стола.

– Миски где? – Я влезла на полку, подала миски. Майорин шарил по другим полкам. – Сметанка, – довольно проворчал он. – Разница есть. Небольшая разница, но есть. Смерть оплакивают чаще у молодых: не успел, не сделал, не сможет. А старики прожили жизнь. Свеженькая.

– Куда грязным пальцем! – возмутилась я. – Фу, я не стану ее есть.

– Мне больше достанется. – Майорин, довольный разрешением конфликта, похоже, решил запустить туда руку по локоть.

– Ну-ка! – Я отобрала горшочек, но сметанка теперь выглядела жалко. Пришлось кое-как умять ее ложкой, залатывая выгрызенные колдуном дыры. Я не удержалась и украдкой макнула палец, никто же не видит.

– Айрин! – ворчливо донеслось со спины.

– А нечего подглядывать, шею свернешь, – отлаялась я. Шея у него посинела, а в некоторых местах побагровела. Не хватало только оборванной петли, но в остальном Майорин выглядел даже слишком живым. Прикрыть эту пакость он не потрудился, и любой собеседник во все глаза смотрел на синяк, а когда понимал, что колдун давно заметил направление взгляда, опускал вытаращенные очи на носки сапог.

Яриний остался в Боровом, взяв на себя временное командование заставой, пока Вирица не придет нового наместника переправы. Не знаю, отчего Майорин тянул с отъездом. Но он будто не хотел оставлять эльфа без присмотра, ретиво кинувшись помогать Сворну разбираться с делами. Безмолвное присутствие Яриния за спиной молодого чародея придавало его словам вес, а оспаривать решения никто не осмеливался, хотя старосте и не нравилось, что маг вмешивается в мирские дела.

Мужчины переехали на заставу, а я осталась в доме смотрящего, помогая Сворну разбирать бумаги, готовя для Карин успокаивающие снадобья. Старшая дочь – Льяля – смирилась с моим присутствием, и мы почти подружились, как обычно сходятся девушки, живущие в

одном доме. Через неделю в горнице уже слышался смех – молодость быстро забывает горе. Рината сидела у меня на коленях, накручивая на пальчик кончик кудрявой темной косички, мы учились писать длинные слова. Берестяной лист быстро заполнялся корявыми буквами и кляксами от чернил. Ляля хлопотала у печи.

– Айрин, где свиток обращений за прошлый месяц? – заглянул в горницу Сворн.

– На третьей полке у окна. У него шнурок синий.

– Что бы я без тебя делал! – улыбнулся он и исчез.

– Может, останешься? – спросила Ляля, когда брат скрылся. – И маме ты нравишься...

– И что я буду делать, помогать смотрящему? Тут ошибка, как проверить это слово?

– Стол. Поняла. – Рината высунула язык и старательно принялась исправлять ошибку.

– Я про другое. Впрочем, это не мое дело.

– Ничего не понимаю. А тут что за каракуля? Как я догадаюсь, о чем речь, если ни одной буквы не разобрать!

– Ну, Рин! – возмутилась малявка, за что получила поучительный шелбан по темечку.

Время текло размеренно, медленно, но неотвратимо приближалась середина последнего летнего месяца.

Жара спала, легкий ветерок щекотал гриву леса, покрывал рябью широкую Урмалу. До осени оставалось все меньше времени, мне пора бы уже собираться в Милрадицы, а перед школой я хотела побывать дома. Речь об этом зашла в один из тихих теплых вечеров, когда Сворн уже сам озвучил предложение остаться.

– Ты могла бы мне помочь.

– Я ничего не умею, – отмахнулась я. – Тем более меня приняли в Милрадицкую школу общих наук.

– А ты хочешь там учиться?

– Не знаю.

Уже ночью, когда Майорин собрался на заставу, а я провожала его на крыльце, он вспомнил этот разговор:

– Тебе нечего делать в Милрадицах.

– Предлагаешь остаться здесь?

– Я могу тебя учить сам. Со мной, по крайней мере, ты сможешь научиться контролировать исток.

– Я уже его контролирую.

– Тебе кажется. Впрочем, как хочешь. Мое дело предложить. Думай.

Много времени на раздумье не понадобилось. Я догнала колдуна на полдороге.

– Я хочу, хочу поехать с тобой.

– А как же Сворн?

– А что Сворн?

Колдун щелкнул меня по носу и засмеялся:

– Нравишься ты ему, дуреха.

– Я не дуреха.

– Как есть дуреха.

– Ты нашел владельца кинжала?

– Нет, как в воду канул. Но кое-что я узнал.

– Что?

– Такие кинжалы делали в Цитадели Магии, Айрин. Он набирает силу из пущенной им крови. Кто-то уже знает про тебя.

– Что же он его потерял?

– Не потерял. Проверил. Знал, что ты остановилась у смотрящего. Может, сам Ральер ему об этом и сообщил.

- Но зачем? Он пожертвовал жизнью ради тебя!
- Или его убили, пока он не сболтнул лишнего, а силу вытянули тем самым кинжалом, который ты так неосмотрительно потеряла.
- И что теперь делать?
- Глаз с тебя не спускать, а лучше убить и разом решить все проблемы. Пойдем до дому провожу, шастает по ночам. – Майорин улыбался, но что-то мне подсказывало – он говорил серьезно.

Кажун – приятель Сворна, долго краснел, зеленел, пыхтел, но решился-таки. Вышедшая поутру вынести помой Льяля закричала от испуга, не сразу признав во вытянувшемся на крыльце молодце с саженым мечом распустеху Кажуна. Я выглянула на крик.

Парень надулся и важно сообщил:

- Меня взяли в ратные. Я теперь страж переправы, скоро стану наместником!
- Поздравляю, – севшим голосом прошептала перепуганная девушка. Кажун растрепал рыжую макушку, залился свекольным румянцем и, вцепившись в Льялю взглядом, будто в смертного врага, выпалил:

– Пойдешь за меня? За ратника?

Теперь краской залилась Льяля. Она поставила на землю ведро, подошла к парню.

– Думала, ты никогда не соберешься!

Потом, конечно, отправляли сватов, сговаривались насчет свадьбы, но девушка частенько мечтательно вздыхала и пропадала вечерами, возвращаясь с полыхающим лицом.

В день отъезда снова зарядил дождь, будто отговаривая от дальней дороги. Пеструшка грызла трензель, взрывая копытами землю. Майорина провожали новый наместник и Яриний, они продолжали обсуждать дела, даже когда колдун влез в седло. Меня вышло провожать все семейство. Карин, едва оправившаяся после смерти мужа, напекла и наготовила в дорогу всякой снеди, умоляла не есть всухомятку, напоминала, что где лежит. Льяля ворчала, что я не остаюсь на свадьбу, рядом топтался раскрасневшийся Кажун, Рината долго висела у меня на шее, хлюпая курносом носом.

Сворн сперва протянул руку, потом передумал, отдернул ладонь и обнял меня.

– Я тут тебе подарок смастерил. – Он протянул мне шнурок с деревянным оберегом. На обереге был любовно вырезан велманский узор. Я нерешительно взяла подарок. Потом сняла с шеи инесскую глиняную бусину.

– Отдариваешься, значит? – горько спросил парень.

– Так будет лучше. Спасибо, побратим.

– Удачи, посестрица.

Однажды я пожалею об этом.

Я завязала на шее кожаный шнурок оберега, зная, что никогда не потеряю, а если снимут, то только силой.

3

Луна висела в предрассветном ярко-синем небе на западе. На востоке пролитым молоком расплзался рассвет, на фоне которого темной громадой встала Роканская крепь. Листва деревьев, будто напитавшись лунным светом, мерцала потусторонней зеленью, шевелясь под слабым ветерком.

Прибытие в большие поселения всегда подгадывали к рассвету. Путешественники вполне могли выспаться и на барже, а наутро могли заниматься своими делами, не теряя времени. Народ уже начал просыпаться, ворочаться на сукне отрезов, зевать. Кто-то вез с собой слуг, и слуги уже двигались бесшумными теньями, таская воду – ополоснуться, одежду – сменить дорожный костюм на городское платье. Тем, кто путь в Роканке не заканчивал, нужно накормить и напоить лошадей перед дорогой.

Я откинула покрывало и поежилась – согретого теплой шерстью тела тут же коснулся свежий ветерок, с трудом подавив желание нырнуть обратно и не вылезать, пока не стукнут о причал сходни, не зацокают копыта. Подхватив ближайшее ведро, я бросила его за борт и уже почти подтянула к себе, когда рядом раздалось бодрое журчание. Я повернула голову. Парень заспанно улыбнулся, стряхнул прилипчивые капли со своего достоинства и сунул его в штаны. Умываться водой Урмалы мне расхотелось, но, совладав с желанием бросить полное ведро в воду вместе с веревкой, я вручила его парню, испортившему мне удовольствие. Он поблагодарил. Сочтя месть свершившейся, я побрела в трюм. Искать колдуна здесь бесполезно. Майорин был знаком со смотрящим баржи, и тот пригласил его к себе в отдельную клетушку в трюме.

Кони волновались, они чувствовали окружающую их воду и рвали повод. Собственно, колдун и нужен был для того, чтобы успокоить взбесившуюся животину или унять хвори людей. В гипотетическое нападение разбойников мало кто верил. Впрочем, за помощь смотрящему половину проездной платы Майорину простили.

Пеструшка, сонная от чар, даже не особо скребла копытами по полу, почуяв меня. Сиротливо заржала Стрелка, но стоило засыпать в кормушку овса, успокоилась, жадно заглатывая корм. Овес, размоченный водой, прилип к розовому носу, сделав лошадь колдуна еще больше похожей на поросенка. Жадная Пеструшка ухватила меня за карман куртки, мерзавка почуяла, что там припрятан кусок хлеба – думала побаловать норовистую лошадку, когда сойдем на берег. Благополучно.

Но благополучно не получилось.

Баржа причалила к пристани, народ, готовящийся к выходу, тут же устроил толкотню. Все желали поскорей покинуть судно и оказаться на твердой земле. Кто выводил лошадей, кто командовал грузчикам выносить скарб, кто просто толкался, стараясь пробиться вперед, на пристани уже сучили ногами торопящиеся начать путь, а сходни все не спускали. Но я не двигалась с места, растерянно ища глазами колдуна.

Выждав около получаса, я пошла к каюте смотрящего, хотела было постучать в дверь, но замерла, услышав разговор.

– Я хорошо тебе заплачу.

– Не нуждаюсь в деньгах.

– Зря отказываешь, ведь каждый имеет цену. Могу предложить кое-что поценнее денег.

– Например?

– Что скажешь о твоей подружке? Как ее там – Лита? Лета?

– Не знаю такой. – Говорил явно Майорин, приглушенно и хрипло, будто на его шею опять завязалась петля конопляной тетушки.

– Летта! Не скажу, что в моем вкусе, но и на такую любители найдутся. Особенно волосы хороши, белые... Не часто встретишь симпатичную альбиноску.

– Альбиносы чаще уродливы. Это мутация. – Но голос колдуна выдал, собеседник его задел.

– Кого выберешь? Девку, которую знаешь чуть больше месяца, или давнюю подругу?

– А с чего я должен выбирать? Проще меня убить и взять обеих!

– Быстро соображаешь, колдун. Кто за дверью? Проверь, Хегг.

Я метнулась в сторону и, когда закрипели петли двери, уже схоронилась в соседней каюте. Светец погасили, но по ровному дыханию я поняла, что в комнате не одна.

– Никого! – крикнули снаружи.

– Проверьте соседние комнаты.

Времени на раздумья не было. В каюте умещался узкий тюфяк, светец на стене и низкий прибитый к полу столик, и до того и до другого можно было дотянуться руками. Нашарив спящего, я откинула одеяло, нырнула под него, накрылась.

Дыхание прервалось, человек рядом вздрогнул, проснувшись.

– Дернешься, и ты покойник, – прошептала я, подкрепляя слова ножом, нацеленным ему в живот.

– Кто ты?

– Твоя подруга, мы вместе провели ночь, забыл? – Нож натянул острием ткань рубашки.

– Теперь припоминаю.

– Эй! – Дверь распахнулась, светец в руках наемника разом осветил всю комнатушку. Я вжалась лицом в тюфяк, стараясь дышать как можно ровнее. Казалось, стук моего сердца слышно в Роканке, оно будто решило разорвать слишком тесную грудь. – Опля! Извиняй, батя! Помешал, каюсь.

– Вон, нахал! – гаркнул мой спаситель. – Разрази их гром, как посмели, бесы?!

– Тут чисто! – донеслось из коридора.

– Общайте корабль, найдите девку! Ну, колдун, ты у меня сейчас получишь! Никого не выпускать.

– Интересно, а верховодящий тоже в доле? – задала я самой себе вопрос.

– Он даже не понимает, что происходит. Может, уберешь нож?

– Что-то я вам не доверяю. – Я откатилась на другой край тюфяка и вскочила, держа нож на изготовку.

– Я, по крайней мере, не пытаюсь тебя заколоть. – Он зашуршал покрывалом.

– Не двигайтесь!

– Светец дай зажечь! – Наплевав на мои угрозы, мужчина поднялся. Чиркнуло кресало, и комнатушка озарилась неровным светом. Верховодящий баржи пытливо на меня уставился, в неверном свете масляного светца вид у него был как у старого пирата. Рубашка, кроенная по-грионски, – распашная как куртка, стягивающаяся на спине тесьмой. Сейчас тесьма была распущена, и на впалой груди, под седыми волосами медленно текла тонкая струйка крови. – Рассказывай!

– Идите к лешему! – буркнула я, убирая нож.

– Выйдешь в коридор, и тебя мигом схватят. Мастер Дорв.

– Кто это?

– Я! – Дорв лаской бросился вперед, метя по руке – выбить нож, а ногой подцепил мою щиколотку, роняя на пол. Да, Майорин был намного быстрее. Нога взметнулась мигом раньше и пяткой пришлась по босой ступне верховодящего, рука ушла вниз и влево. Мужчина отскочил к стене.

– А я из Инессы, вам должно быть стыдно.

– С чего бы!

- На гостей бросааетесь!
- А гости тычут мне ножом под ребра, рубашку испортила.
- Что же вы еще не на палубе? Не командуете сходом?
- Мы причалили?
- Представьте себе!
- Хм... странно. Даже не почувствовал...

Рушить судно Дорв мне запретил, отвергнув идею пробить в стене меж каютами небольшую дыру – чтобы человек пролез. Зато сам вызвался выбить дверь в каюту смотрящего. Верховодящий предлагал позвать подмогу, но что-то мне говорило, не стоит доверять никому на корабле, кроме себя. Что мы могли сделать вдвоем против колдуна, который скрутил Майорина, я и вообразить не могла, уповая на исток.

Дорв вышиб дверь с одного удара.

Я влетела в комнату, в правой руке сжимая меч, в левой нож. За мной Дорв, с кривым кинжалом, мало уступающим моему мечу в размерах.

Майорин поднялся с колен, выдернул кинжал, хищно полыхнувший тремя рубинами в рукояти, труп на полу слабо дернулся. Еще два тела лежали на тюфяках. Эта клетушка была чуть больше соседней, но спальных мест в нее влезло три.

– Уже собирался идти тебя искать. Ты что такая взмыленная?

– Я тебя... спасать...

– Ты... меня? О, мастер Дорв, быстро с вас чары сошли.

– Чары?

– Вот этот, – Майорин указал на труп, – пожелал вам долго спать. Думаю, пора командовать опустить сходни, там наверху, кажется, все с ума сходят.

Дорв кивнул и вылетел из каюты.

– Что здесь произошло?

– Потом. Быстро седлай лошадей и едем.

– Майорин?

– Нет. Потом, я пока обыщу этого гада.

Пеструшка недоела овес. Мутная влажная дорожка с продолговатыми зернами бежала ото рта к загородке стойла. Под белым в гречку телом растекалось второе пятно. Темнее. От него пахло кровью. Остекленевшие глаза смотрели в пустоту.

Они не нашли меня, но нашли мою лошадь. Стрелку не тронули, но вдвоем на одной лошади далеко не ускачешь.

– Ты чего там копа... Жаль, – оборвал сам себя колдун. – Где твои вещи?

– На палубе.

– Деньги, меч, куртка у тебя?

– Да.

– Пойдем. – Майорин схватил меня за руку и рысью понесся к комнате верховодящего. – У него должны быть деньги.

– Что ты делаешь?

– Граблю старого пирата. – Тюфяк тренькнул, колдун вспорол плотную ткань и вытащил увесистый кошелек. Развязал шнурок и высыпал примерно половину, остальное запихнул обратно в дыру.

– Брал бы все, грабить так грабить...

– Здесь стоимость лошади, седел и наша плата за проезд, остального мне не надо.

– Посчитай еще тогда мой отрез и сапоги, – мрачно предложила я.

– Обойдешься!

Из трюма мы выбрались на палубу, но не через широкий сход, по которому можно лошадей провести, а через квадратный лаз, где спускалась матросня во время плавания.

– Не попадайся никому на глаза и ищи веревку.

– Помолиться не велишь?

– Айрин, не препирайся.

– А ты не командуй. Вон моток висит, пойдет?

– Да.

Веревку колдун привязал к перилам и выбросил за борт, в напутствие пожелав мне не издавать особого шума и плеска.

Плыли под водой, лишь иногда выныривая – захватить воздуха.

Семьдесят лет граница Хордрима пролегла на двести верст севернее, чем сейчас. Молодой хищный Хордрим бурно развивался, ему не хватало земли, а город, стоящий в устье Урмалы, постоянно сталкивался лбами с Урмалской слободой, принадлежащей Велмании. Лезть в Инессу южане побоялись, но за Велманию взялись с завидным аппетитом, начав со слободы. Редрин де Морр – дед нынешнего государя, в ту пору воюющий с северными княжествами, подсобрал рать да бросил ее на оборону. Но Хордрим очень хотел новых земель.

Отбить Урмалскую слободу с наскока не удалось. Редрин был государем мудрым. Оставив хордримцев радоваться завоеванному устью, отстроил на месте небольшого села каменный кром с собственной речной верфью. Через год, когда хордримцы собрались еще немного расширить свои границы, их встретили новенькие корабли с инесскими колдунами на бортах и боевая рать, отозванная из Сауринского княжества, которые готовы были ноги хордримцам целовать за неожиданное прекращение затяжной завоевательной войны и подписание мирного договора. Роканку взять не удалось, дельту отбили в течение года, а Хордрим отбросили на те самые двести верст.

Больше Роканка в боевых действиях не участвовала, зато стала крупным торговым городом на пересечении Урмалы и юго-восточного тракта. Вокруг крома вырос посад. Вот у посада и расположился причал, куда пристала наша баржа. Берег здесь был высокий, крутой. Незаметно не заберешься.

Майорин вынырнул, ткнул пальцем по течению и снова ушел под воду, я немного подышала и поспешила за ним. Мало ли, заметят еще.

На узкую отмель у отвесной скалы мы выползли как две мокрые крысы. Я стащила куртку, бросила ее на пружинистые ветви ивы.

– А сапоги там остались.

– Зато мы уже здесь. – Колдунова одежда улеглась на ветви, сразу поникшие под тяжестью мокрой кожи. – И даже живы.

– Может, объяснишь, что произошло? – Я повертела косу, размышляя, распустить или оставить как есть и разодрать гребнем, когда оный у меня появится.

– Охоту за истоком можно считать открытой, – скривил рот в ухмылке Майорин.

Он растянулся на травке, широко зевнул и закрыл глаза.

– Эй, ты что, спать собрался?

– А что? Одежда мокрая...

– И? А те на барже?

– Главаря я убил, без его указаний подручные побегут к хозяину.

– Он не был главным? Тоже подручный?

– Думаю, да.

– А что за женщина, Летта? Она кто? Твоя подруга?

– Угу, – сонно буркнул колдун.

– Но она в плену!

– Вряд ли. – Майорин сунул руки за голову. – Ее сложно пленить.

– А если...

– Айрин, дай поспать пару часов.

К полудню солнышко разошлось не на шутку, быстро высушив одежду. Майорин открыл глаза, бодро вскочил.

– Надо идти в город.

– Лучше до ближайшего села и купить там лошадей. В городе нас наверняка ищут.

– Наверняка, – не стал спорить мужчина. – Но я хочу попасть в Инессу к вечеру, денег должно хватить.

– Телепорт? – удивилась я. Телепортироваться удовольствие дорогое и не шибко надежное, в одном из пятидесяти переносов порталы давали осечки, а переносящихся больше никто не видел. – Его легко отследить!

– Не переживай. Не отследят.

Посад мы обошли с юга, а к вечеру подошли к воротам крома, распахнутым по дневному времени. Проходя по узкой улочке, колдун воровато обернулся и ухватил у ближайшей двери тряпку для вытирания ног.

– И зачем она тебе?

– Давай меч, не хватало, чтобы стража нас еще досматривала.

Обернув вокруг ножен собственные сапоги, Майорин прикрыл сооружение тряпкой, критически оглядел и вынырнул из переулка, вернувшись с еще более грязным куском материи. Перемотав все шнурками с рукавов куртки, колдун остался доволен и закинул конструкцию за спину.

– И что там у тебя? Лыжи?

– Знамя Трех Богов, да воссияют их имена во всех землях этого мира! – патетично произнес мужчина, повторяя излюбленную фразу жрецов. Он растеребил мои волосы, растрепал свои и зашагал к воротам.

– А, по-моему, больше на лыжи похоже. – Я критично осмотрела предполагаемое «знамя». Жрецы бы удавились, Три Бога, в которых довольно рьяно веровали велманцы, зашлись бы истерическим смехом.

Стража на воротах мазнула по нам взглядом, но увидев, что никакой поклажи у нас особо нет, пропустила, не пытаясь взять пошлину за вход. Следом долетели слова:

– Никакого спасу от босяков нет, но храм велел пускать всех паломников, даже самых паршивых.

– Лишь бы заразу не нанесли. – Поздно, зараза уже шла рядом со мной и любопытно осматривалась по сторонам. На месте мага, заправляющего телепортом, я бы не пустила нас и на порог.

Телепортационная башня расположилась в противоположном от храма конце крома, будто два противных друг другу строения старались как можно больше отдалиться от неприятного соседства. Пока мы шли на равном расстоянии от обоих строений, на нас никто не обращал внимания, но стоило свернуть к башне, как прохожие начали неприязненно поджимать губы и отводить глаза. Один особо брезгливый высказал что-то на тему бродяг, не знающих куда идти, и потыкал пальцем с заточенным ноготком в сторону храма. Я хотела было тоже указать ему верное направление, но поняла, что Майорин отошел уже далеко. Он высоко поднял голову и широко уверенно шагал, будто снисходил до деревянной мостовой своей персоной. От босых ног испуганно расползлся мусор и шелуха.

Перед башней полукругом разлеглась площадь, вымощенная камнем, нагретым за день на солнце. Посреди площади из развала высоких камней бил быстрый родничок, заполняя небольшую чашу, выточенную в виде сложенных ладоней, меж пальцев просачивались тонкие

струйки воды и впитывались меж камней мостовой. У родника крутились толстые городские голуби, воробьи купались в пыльных ванночках.

Башня конусом уходила вверх, оцетинившись двумя кривоватыми шпилями.

– Красота, она, кажется, падающая.

– Кривая, – поправил колдун.

– Куда? – Перед нами сомкнулись копыя стражников.

– К магистру порталов.

– Зачем?

– Телепортироваться! – Майорин отвечал в лоб, с печалью рассматривая парней на воротах, обоим не так давно стукнуло двадцать.

– Нищих пущать не велено.

– Вот и хорошо, не пускай. Но колдуна тыпустишь? – Парень недоумевающе попытался нащупать ногой отдаляющуюся землю. – Доволен?

– Да, милсдарь колдун, не признал.

– Пойдем, Айрин.

Магистр порталов был молод, усат... и где-то я его уже видела, может, и в Инессе, уточнить, кто мы такие и откуда у нас деньги, он не стал, просто спросил, куда надо и как скоро.

Не раз мне доводилось наблюдать, как работает портал Инесской башни. Сначала загорался белым светом неограниченный кусок горного хрусталя, затем дежурный сдвигал на пару вершков один из камней, образующих ловчую петлю, и открывал приемный коридор. Если посетителей ждали или они были хорошо знакомы, сдвинутый камень моментально возвращался на место, заканчивая перенос. Если же этих гостей видеть не желали, то камень отползал еще на вершок, а портал отбрасывал их в начальную точку переноса. Без движения петля держала около четверти часа, за которые можно было удостовериться в добрых намерениях гостей, благо те зависали, будто в вязком киселе, и вершить ничего злокозненного не могли. Может, поэтому, шагнув в пятно портала, я крепко зажмурилась и для верности закрыла лицо руками. Желудок будто провалился к ступням, а в ушах, кажется, что-то лопнуло.

– Ты плачешь? – ехидно спросил колдун.

– Нет, смеюсь! Уже всё?

– Да! Хорхе, ты сегодня дежуришь?

– Майорин? Айрин?

Триста лет назад ярое противостояние Инессы и Цитадели превратилось в вялотекущее. Милсдарь Руморин, правивший Велманией в те времена, изгнал задиристых магов из Долины Источников, превратив благодатную долину в нейтральную территорию. Приверженцы старой школы собрали нехитрый скарб да отошли на триста верст южнее. Сначала выстроили небольшое село, село разрослось, воздвигли Илнескую крепь. А посад и несколько окрестных весей, в честь великой колдуньи, что боролась за правду старой школы, назвали Инессой – государством колдунов. Формально Инесса принадлежала Велмании, как и выросшая на севере Цитадель Магии, но северные и южные маги готовы были глотки друг другу перегрызть – несмотря на все запреты, чем еще лет двадцать успешно занимались. Остановил грызню сын Руморина, предложив некое подобие компромисса, показательно выбрав себе в Верховные архимаги государства Велманского мага из Цитадели, а заместителем его сделал чародея из Инессы. Так и повелось. Постами менялись по очереди и постепенно привыкли жить в относительном мире, раз в полгода навещая друг друга или встречаясь в нейтральной Долине Источников. Слова же «маг» и «колдун» разделили, Цитадели досталось современное «маг», а в Инессе говорили «колдун», хотя ничем в смысловом значении эти понятия не отличались. Только велманцы, не

слишком мучаясь выбором стороны, говорили «проклятые чароплеты», что в общем-то было неправильно, но сочно передавало смысл.

Телепортационная башня стояла в самом центре крепости, мы вышли на озаренную лучами тренировочную площадку, пустующую по вечернему времени. Только несколько сумрачных отроков, отбывающих наказание, ритмично работали метлами, больше поднимая пыль, нежели сгоняя сор. На крыльце высокой длинной избы стайкой крутились десятилетние мальчишки. Ребята донимали вопросами сидящего на ступенях человека.

– Фил! – крикнула я брату, он вскочил, чуть не сшибив с ног своих будущих учеников.

– На кого ты похожа? – Брат крепко обнял меня, отпрянул и, держа за плечи, придирчиво оглядел. А потом голосом сварливой бабки осведомился у колдуна: – И что ты с ней делал?

– Ты спроси, что она со мной делала, – улыбнулся Майорин. Будто что-то вспомнив, Фил недоверчиво посмотрел на Хорхе.

– Как... ты?

– Все хорошо. Я полностью владею собой.

– Врет, но опасности нет. Пока нет.

Хорхе повел колдуна в избу, устраивать тому спальное место.

Я знала Хорхе со своих малых лет, и он всегда был седым, темноглазым человеком, с брешами в широкой улыбке. Хорхе пришел из Северного Хордрима, но родом был из страны за Луаром, страны северных суровых морей. Колдунов та страна не признавала, мужчина рождался быть воином, а умение владеть силой называли Даром. Дар северяне уважали, но науки из него делать не стремились. Может потому Хорхе и остался в Инессе. А может, было что-то еще, но любивший рассказать хордримскую сказку или быль северянин, зайди речь о его родине, цедил слова сквозь зубы.

– А где твоя Пеструшка? – Пока мы с братом шли к посадку, где стоял наш дом, я рассказывала ему о потере любимой лошади, о житии в Боровом. Он слушал, все крепче сжимая мою ладонь.

У матери в горнице по обыкновению скопилась толпа просителей и недовольных. Советники выстроились за креслом да шептались, будто жужжащие пчелы – ни слова не разобрать, но гул стоит на весь дом. Я махнула матери рукой, она кивнула, но собрание продолжила.

Филипп крикнул служанку, хордримская девушка порывисто бросилась к нам, а потом отступила, потупив взгляд.

Брат сидел, отвернувшись к окну, пока я ополаскивалась в лохани с чуть теплой водой да меняла одежду на чистое. А я продолжала рассказывать, забыв, что нужно будет поведать события еще и родителям, а повторять одно и то же по два раза подряд я не любила. Но Филипп узнал куда больше, чем дойдет до родительских ушей. Брат покрутил оберег, подаренный Сворном.

– Значит, побратим? Не захотела Дар принимать?

– Я исток, Фил. И я не хочу жить в доме чьей-то женой.

– А хочешь бегать по заставам, пугать ратников, грабить баржи?

– А ты не хочешь?

– Ох, не знаю, – засмеялся брат.

Разговор вышел тяжелый. После радостей встречи родители взялись за меня всерьез и со знанием дела. Больше упирая на исток и его проявления. Мама знала об истоках поболее Майоринова, въедаясь в несущественные, на мой взгляд, детали. Отец мучил меня вопросами силового характера, он много лет посвятил изучению чистой силы без преобразования и теперь скрупулезно выяснял, что я могу.

Я сидела напротив них и больше радовалась возвращению домой, чем отвечала на заковыристые вопросы.

Мать расположилась в своем кресле и теребила длинную рыжую прядь, выбившуюся из тяжелого узла на затылке, шелк платья разлился по полу серебристой лужицей, отец прищурил голубые глаза, оглаживал могучей рукой русую бороду. Что в темных – цвета болотного мха глазах матери, что в отцовых читалось беспокойство еще большее, нежели когда они считали меня человеком. Тогда они переживали за мою судьбу, которую я буду творить сама. Теперь судьба, смеясь, взяла поводья в свои узловатые, натруженные прядением руки, готовая как к незлобивым подвохам, так и к жестоким насмешкам.

Думаю, я осознавала это даже лучше, чем они. Судьба была моя, и мне с ней дело иметь.

Жизнь в Инессе в мое отсутствие текла своим чередом, позабыв про свою блудную дочь. Догуливали последние беспечные деньки дети и отроки, готовились к осени наставники, многие из которых только приехали из летних отпусков, хозяйки обходили огороды, хвалясь друг перед другом народившимся урожаем, крестьяне косили хлеба.

Я пошла по подружкам собирать новости, перемыть косточки и вдоволь нахохотаться. Зашла и к кузнецу, принесла ему свой многострадальный меч. Кузнец ворчал на меня, ругался, но обещал привести клинок в порядок.

На базаре все так же бойко лилась южная хордримская речь, большинство из южан говорили на велманском свободно или хотя бы понятно, но меж собой изъяснялись по-своему, с неохотой посвящая чужаков в свои тайны. Я упрямо учила хордримский, смеша своим произношением знакомых. Соседство с Хордримом давало о себе знать и обилием черноволосой и черноглазой ребятни, бегающей и по торжищу.

Базар в Инессе был один, зато какой!! Я прошлась по рядам, с интересом изучая товары. В мясном ряду мое внимание привлекла бойкая торговка, с хитрющей улыбкой продающая дедку копыта. Копыта были здоровые, видно, и коровка была не маленькая. Дедок, очарованный черноглазой кокеткой, долго высчитывал мелочь. Я подошла поближе, покупать у такой подозрительно хитрой рожи – большая смелость.

Смелость надо поощрять.

Дедок отошел от торговки, я присмотрелась к нему. Человек – хордримец, из ребяческого озорства я спряталась за свиной тушей, над которой роились мухи. Загляделась на смешную лупоглазую рыбу через ряд, и где таких ловят? Неужто у нас, в Инессе...

Дед мчался к прилавку как молодой, грозно размахивая копытами. Выражение лица сменилось с благостного на злое. Пройдоха торговка, увидев покупателя, нырнула под прилавок.

– Вы меня обвесили! – гаркнул дед на весь рынок.

– Я? – Огромные бархатные глаза глядели на него из-за бараньей тушки.

– Да, вы! Кто так делает! К вам честные люди приходят!

– Неправда, – обиделась торговка. – Хотите сами проверьте!

Она рассыпала перед ним гирьки. Дедок снова закопался, шевеля губами. Потом положил копыта на одну сторону весов и начал накладывать гирьки в противовесную чашку.

– Вот! Столько вам и посчитала!

– Но там на выходе!

– Что на выходе?!

– Стоят весы. Я взвесил, там меньше получилось!

– Может, они порченые?

– А может, ваши порченые? – Теперь весы подверглись тщательному осмотру. Не найдя никаких неполадок, дедок поворчал и откланялся. Следом встала я.

– Девушка, взвесьте мне вон тот кусочек, – прогундела я и ткнула пальцем в первый попавшийся шмат мяса. Она бросила кусок в чашу и начала перекидывать гирьки. Стрелочка сравнялась.

– Не обвесите?

- Да нет же!
- А старичка обвесили!
- Не нравится, иди отсюда!
- А гирьки легковаты. – Я подкинула одну на ладони. Торговка посмотрела мне в лицо.
- Айрин! – закричала она.
- Тэм! Обманула дедушку, как не стыдно!
- Их не обманешь – сама голодной будешь ходить! Зайдешь вечером?
- Зайду. – Хордримская торговка показала мне язык и с чистой совестью продолжила обсчитывать невинных покупателей.

Дом торговки был не просто большой – огромная храмина, мало уступающая колдунской избе в крепости, он вмещал в себя уйму народа, периодически меняющегося. Бесчисленная хордримская родня приезжала и уезжала, сменяясь новой.

- Эй! – постучала я в дверь.
- Кто?
- Я! – Понятие было растяжимое, но чего опасаться, когда в доме полно народа, часть из которого пусть и в домашних ичигах, но воины не последнего десятка, могут и ичигой прибить.
- Заходи!

И я зашла, везде висели и лежали ковры. По ним ползали или бегали дети. Мужчины расположились в одном углу огромного зала, женщины в другом. У себя на родине хордримцы строили из камня, но постепенно обжили и велманские дома, приспособив, что могли, под южный лад. Не делили они дом стенами, развесив те же ковры перегородками. В мужской и женской половине горели очаги, не след мужу с женой есть из одного котла. Для мужчин южные жены готовили отдельно.

Многочисленная ребятня – где чья не разберешь (до десяти они считались детьми, а детей надобно баловать, а после становились мужьями и женами, и спрашивали с них как со взрослых) – беспечно побежала ко мне – знакомиться.

- Туран, Турал, Руслан, Натэлли! Брысь отсюда! – скомандовала Тэм. – Идите играть!
- А как вас зовут? – спросили черноглазые мальчишки-близнецы.
- Айрин!
- Тетя Айрин, а вы знаете маму? – Мама, старшая сестра торговки, приветливо помахала мне рукой из женского угла.

– Знаю! – Верхэ поднялась, собрала с меня отпрысков, как осенний наливной урожай с яблоньки, отпрыски тут же посыпались в стороны. Из мужской части донеслись приветливые возгласы:

- Долго тебя не было.
- Долго, сама уже начала забывать, как тут хорошо. – Я устроилась в женской части дома, скрестив ноги на предложенной подушке. Приняв протянутый стаканчик с чаем, отпила пряную жидкость. Слишком крепкий, на мой вкус, и еще с молоком. Но в чужой храм, как известно, со своим уставом ни-ни. И я медленно тянула сомнительное лакомство. Мы отодвинулись в уголок, шепчась, вернее, Тэм сплетничала, а я ехидно подпевала, с интересом слушая об изменениях, происшедших в мое отсутствие.

Пришла Томе – мать, теща, свекруха и сестрица всей местной братии. Порадовалась мне, посетовала, что от меня остались кожа да кости, я потрясла рукавами свободной рубахи. Томе сватала мне своего младшего сына, моего ровесника, я как всегда отказалась. Он был далеко не первым, в Хордриме девочек выдают замуж с тринадцати лет, так что Томе пыталась мне подобрать мужа еще с того времени. Насплетничавшись вдоволь, мы вспомнили дедка с копытами:

- Я думала, он меня ими прибьет!

Я только по-дурацки хихикала, вспоминая жертву торговли.

– Уже решила, вот он меня сейчас по башке ими шандарахнет, а я буду падать, позу придумала, место выбрала, а он только кричал!

– Жаль, – сделала я вывод. – Замуж почему еще не вышла, обещалась же?

– А не берут! – махнула она рукой. – Характер, говорят, дурной!

Характер у хордримки был воистину дурной, вот только, на мой взгляд, это ее совсем не портило.

– А ты?

– А что я? Тоже не берут! – покривила я душой.

– Все ждешь княжича на белом коне?

– Государя на черном, – съязвила я.

– Это тот молодец, с которым ты приехала?

– Это мой наставник теперь, – хмыкнула я. – А ты откуда знаешь?

– Вся Инесса сплетничает о вашем прибытии.

– Хорхе – старый болтун.

Мы еще немного посидели, наливаясь чаем. Хордримка только его и пила, зато я вволю закусывала ореховым печеньем, свежим и хрустящим. Как хорошо в Инессе, только и знай, что радуйся.

В нашем подворье звонко ржал конь. Брат крепко держал повод рвущегося жеребца велманской породы. Черная грива водопадом лилась на могучую вороную шею, тяжелые копыта угрожающе колотили по земле, раздувались породистые ноздри.

– Айрин, – позвал меня брат, – подойди!

– Красавец. – Я провела рукой по лоснящейся шкуре.

– Гайтан. Нравится? Твоим будет.

– Моим? Он же стоит целое состояние.

– Это мой подарок, примешь?

– Филипп... – Я перехватила повод, провела рукой по морде. Конь вздрогнул, отпрянул.

В руку ткнулась морковка, Филипп довольно улыбался. Просто так такие подарки не делают, а значит...

Мягкие губы коснулись ладони, морковка исчезла, сопровождаемая хрустом.

– Садись! – скомандовал брат. Заседлать жеребца не догадались, за стремя не подтянешься, а в холке он был выше меня почти на ладонь. Будь я одна, нашла бы приступочку или забралась с крыльца, а Филипп таких ошибок не прощал – потешался, заедал усмешками. Но брат сжалился, подставил сцепленные замком ладони, посадил. Почувствовав на себе податливого седока, Гайтан оттолкнул Фила широкой грудью и загарцевал по двору, пытаясь меня сбросить. Я крепко охватила его коленями, потянула повод. Жеребец решил проверить меня на прочность и вылетел черной стрелой в распахнутые ворота. Успокаиваться он не желал, но коленей слушался, вынося меня за ворота посада – на дорогу.

Возбужденный скачкой, в душе проснулся исток. И я ударила коня пятками, заражаясь азартом скачки, исток выбрался наружу, изливаясь в это сильное, норовистое животное.

Они остановились одновременно: жеребец и исток. Я провела рукой по вороной шкуре: Гайтан – «плетеный пояс», даже не вспотел.

Домой мы вернулись рысью, конь действительно выплетал копытами сложный узор в пыли, будто затейливая мастерица.

Филипп и Майорин ждали меня на крыльце. Я спешила.

– Видишь! – воскликнул брат. – А ты заладил: сбросит, сбросит. Гони мою серебряную!

– Вы что, поспорили?

– Это он! – Брат кивнул на колдуна.

– Я только сказал, что он тебя сбросит, – оправдывался тот.

– Гады! – фыркнула я и повела жеребца в конюшню.

Майорин пришел не просто так. Мы собрались в горнице, в этот раз за широким столом, рассевшись по скамьям и лавкам. Разговор был недолгим, но серьезным.

– С чего ты берешься ее учить? Ты же клялся, что не возьмешь учеников. – Отец пытливо смотрел в прозрачные глаза колдуна.

– Ее возьму, – не объясняя, отрезал Майорин.

– С чего бы?

– Я не возражаю. – Мать тронула отца за локоть, усмиряя, но тот уже разошелся:

– Обожди, Ильма. Не такого учителя я хотел для Айрин.

– Предпочитаете отправить ее в Милрадицы, где до нее доберутся охочие до истоков колдуны самое малое через седмицу?

– Не доверяю я тебе!

– Отец, он обучил ее сдерживать силу! – вступил Филипп.

Отец еще долго бушевал, но четыре упрямых голоса переспорить не смог, и через седмицу я затянула подпругу на Гайтане, а отец сам забросил и закрепил седельные сумки. Колдун вывел из конюшни гнедую кобылу с белой отметиной на лбу.

– Ну, Стрелка. Тише.

– Ее зовут Стрелка? – удивилась я.

– Пострельная. Да только Стрелка короче будет. – Майорин хлопнул лошадь по крупу.

И опять меня провожали, не зная, когда вернусь и вернусь ли вообще. Никто не лил слез, но и улыбки были натянутыми, грустными. Я заставляла себя не оглядываться, но перед глазами стояли родной двор и моя семья, машущая вслед.

Впрочем, накануне меня знатно проводили. Заодно. Потому что основной повод был другим...

Толстая румяная тетка водрузила передо мной тарелки с разнообразной снедью, большая часть которых заказана не была. Я вопросительно уставилась на хозяйку. Она только плечами пожала. Мол, не знаю ничего... Не знает она, как же... Ядига, которая сама обслуживает клиента, это уже странно. Хозяйку корчмы «Дубки» мало кто назвал бы привлекательной и доброжелательной женщиной, и все же очередь из претендентов на руку и сердце с каждым днем росла и ширилась. Когда Ядига овдовела, в бой ринулись корыстные, возжелавшие заполучить в приданое корчму. Но молодая вдова второй раз замуж не торопилась, приговаривая, что от первого супруга с трудом избавилась. Она поменяла вывеску, выгнала вышибалу, подавальщиц и кухарку, сделала ремонт, и «Дубки» обрели новое лицо. Ядига не пила с постояльцами, готовила сама и постепенно взвинтила цены до небес. А клиенты все ползли с разных концов Инессы и Илнеса, порой приезжали даже из Милрадиц, чтобы пообедать в «Дубках». Именно поэтому в очередь повалил второй сорт воздыхателей. Те были абсолютно бескорыстны, если не брать в расчет чревоугодие.

Но и этих предприимчивая вдовушка не особо жаловала. Хотя кое-кто пробрался-таки поближе к кухне, где творились волшебства, превращая обычные продукты в кулинарные шедевры. В плане способностей, как уроженка Инессы, хозяйка корчмы обладала минимальным резервом силы и великолепной изобретательностью, позволяющей ей виртуозно использовать бытовые заклинания. Была я как-то на ее кухне. Сразу вспоминались сказки про скатерть-самобранку и волшебный горшочек. Меня, незваную гостью, первым делом атаковали сторожевое полотенце и охранная шайка. Полотенце хлестало белыми хвостами, шайка маленькими порциями обливала кипятком. Насилу отвертевшись от обоих, я чуть не влетела в котел с супом, в котором залихватски прыгала ложка, ложка прошла еще один круг в котле и вылетела меня встречать, с другого конца кухни на меня нацелилось сито с творогом. Я уже

готова была вылететь с визгом за дверь, как ворвалась Ядига и успокоила взбесившуюся утварь. Она потом даже извинилась, но больше я на кухню не лезла, навсегда запомнив, что узкая специализация мага – это сила.

– Ядига, ты напутала. Я этого не просила.

– Ничего я не напутала. Ты одна сидеть собралась?

– Нет, мы с Айной встретиться хотели... А у Айны что сегодня? – Я хлопнула себя по лбу. Как я могла забыть! А я-то голову ломала, с чего такая спешка. И Хорхе с горящим хвостом в Инессу прилетел, и мама на что-то намекала...

Я придвинула к себе сухарики и стала их по одному закидывать в рот. Даже сухарики в «Дубках» отличались от обыкновенных – легкие, хрустящие, подсушенные с зеленью и в масле обжаренные. Такие долго не хранятся, да кто ж им даст! На каждом столе тарелка и в каждой тарелке по жадной ручонке. А в некоторых даже две. Мужские пальцы ловко подхватили сразу горсть, где был и тот, на который я нацелилась. Я проследила взглядом за движением конечности. Обладатель воровской ручонки ссыпал часть добычи в рот и вкусно захрустел.

– Опа! – вырвалось у меня. Он улыбнулся и покивал. Пошарил глазами по столу и, выхватив у меня кружку, запил.

– Как же я соскучился по Ядигиной стряпне! Здравствуй, Айрин!

– Ты исключительно поесть приехал?

– И это тоже. – Новая порция сухарей перекечевала из тарелки в парня. Кружку он так и не вернул, уже не жадно, а по глоточку допивая мой сбитень. – А тут еще у Айны праздник, и отчитаться надо.

– И как на границе дела?

– Отвратительно, – помотал он головой. Сел за противоположный конец стола и придвинул к себе одно из полных блюд. – После смерти смотрящего все пошло наперекосяк. У его заместителя вожжи из пальцев выскальзывают. Вот сейчас напьюсь и донос сяду строчить. А ты, говорят, уезжать собралась?

Ответить я не успела.

– О, Айрин уже пришла! – раздался радостный голос за спиной. Мы обнялись. Рыжая расцеловала меня в обе щеки, обняла моего соседушку и уселась рядом со мной.

– Признайся, подруга, ты забыла, что у меня день рождения!

– Признаюсь, – покаянно склонила я голову. – Из головы вылетело.

– Как всегда. Как всегда тебе надо напоминать!

– Айна, мне правда стыдно!

– Не ври. Ни беса тебе не стыдно. И за это я тебя и люблю! Ты у нас нынче персона бродячая, а мы тут зады просиживаем на лавках.

– Это вообще загадка, кто и за что меня любит, – буркнула я.

– А где мой муж? – завертелась рыжая. – Только что был!

– Вон он, с Филиппом разговаривает, – ткнул пальцем в парочку на пороге наш собеседник.

– Хорошо, что ты приехал, Бренн, – улыбнулась Айна. – Мы тут уже соскучились по тебе!

– Ох ты ж! Спасибо. – Бренн опорожнил мою кружку и теперь тянулся к кувшину. – Эй! Хорхе! Хватит корчму выхолаживать, идите сюда!

Муж Айны с моим братцем подошли к столу. Фил залихватски мне подмигнул. Зараза, ни словом не обмолвился о моей дырявой голове.

– О! Айрин, память-то все девичья? – веселился брат, мне сразу стало ясно, что развлекать гостей сегодня буду я. К столу подплыла Катарина. Именно подплыла. Волос у Катарины был светлый, густой, плетенный в толстенную косу цвета небеленого льна. Глаза, как два болотца, приглушенного серебристо-зеленого цвета. Кожа тоже серебром отдает. Колдунья была высокая, крепкая и очень высокородная. Она приходилась внучкой Аглае – предыдущей

Владычице Инессы, а Катарину пророчили в следующие. Она была старше нас с Айной лет на семь и никогда не упускала случая это напомнить.

– Добрый вечер. – Она присела на скамью, перекинула косу через плечо и сложила руки на коленях.

– Привет. Вот почти все в сборе. – Именинница вертелась на месте, как уж на сковородке.

– Почти? – удивилась я. Но спросить – кто, не успела. Ответ сам шел сюда. А я аж сглотнула в ужасе. Лисса вкатилась коlobком и целенаправленно устремила к нам. Сначала все мы были расцелованы, потом обняты и расхвалены (вот только покупаться на эти похвалы не стоило, это как воспринимать за поцелуй укус болотной гадюки).

– Айночка! Заинька! Как я рада, такой праздник, третий десяток пошел! Скоро совсем большая будешь! Еще немного, и Катариночку догонишь. Ты не переживай, рыбка, Катариночка совсем не старая, вон смотри: кровь с молоком, платье так и трещит по швам! Не то что у Айрин! Не обижайся, солнышко! Но ты совсем себя не жалеешь! У тебя даже нос длиннее стал от такой жизни! Сколько можно мечом махать? Мужика бы нашла справногo! Вон как у Айны! И собой хорош, подумаешь, половины зубов не хватает и шрам на шраме, зато воин, сразу видно. – Хорхе зло скрипнул зубами, которых действительно недоставало, но не половины, а одной четвертой. – Нет, Бренн, ты, конечно, тоже мужик хоть куда. И зубы все на месте. Да нет тебя вечно. То на границу уедешь, то на край земли, то по бабам пойдешь. Филипп! Ах! Как я тебя не заметила! Как возмужал! Как похорошел! – Тот победно улыбнулся, мол, у меня придраться не к чему! – Все детишек дрессируешь! Молодец!!! Умница моя! – закончила Лисса и прыгнула к моему братцу на колени. Тот крикнул, а мы радостно заулыбались. Вот тебе. Получай, цитадедец силовой!

– Ты зачем ее пригласила? – зашипела я на ухо подруге, пока Лисса лобзала Филя.

– Я сдуру на собрании с Катариной еду обсуждала, а Лисса рядом вертелась.

– Ну вертелась бы. Звать-то зачем?

– Чтобы она меня потом на всю Инессу ославила?

– Она и так ославит. За это не волнуйся! – рычала Катарина, проверяя швы на платье. Я поймала себя на том, что недоверчиво трогаю нос.

Праздник катился по классической схеме. Сначала все пили и ели. В процессе этого действия к веселью присоединились еще несколько лиц. Зашли ведьмочки из группы, где училась Айна, пришли двое воздыхателей рыжухи, которые хоть и побаивались Хорхе, но немножко меньше, чем возможности упустить шанс поцеловать в конопатую щеку объект вожделения. Явилась Катаринина ученица, худенькая пятнадцатилетняя девушка. Она что-то перепутала и пришла каяться. И тут же была усажена за стол, а покрасневшая учительница только пива подопечной подливала. Лисса переползала с одних коленей на другие, продолжая истекать ядом, но больше никого не раздражала – яд, разбавленный алкоголем, перестал быть таким убийственным. Мы бились с Айной над вопросом – в чем секрет подобного противоядия. Я настаивала на том, что пьяная Лисса хуже соображает и медленнее говорит, а Айна встала за теорию, что гадость к нам пьяненьким не липнет. Сошлись мы только в одном – надо чаще Лиссу поить, авось подобреет.

От дыма и выпитого у меня обнесло голову, и я отправилась на улицу подышать воздухом и дошатый домик на задворках проведать.

– Плохо? – участливо спросили за спиной. Я резко обернулась и уперлась носом в могучую грудь Хорхе.

– Ну вроде как. А ты чего здесь?

– Устал я что-то. Это Айна у нас на дебоши мастерица. Осенью пахнет, чуешь? – Ничего я не чуяла, по мне ночь как ночь.

– Нет.

– Пахнет. Знаешь, бывает так, еще тепло, листва зеленая, а осень уже на пороге. Кажется, чуть-чуть – и наступит.

– На больную мозоль! – саркастически сказала я. Воину явно было неудобно, для него мы все желторотики – юнцы, только пересекающие порог взросления. Молодые, неопытные, наивные, полные глупых и ненужных надежд. Хотя сам виноват, женился бы на зрелой женщине, будто мало в Инессе молодых вдов: каждый год нет-нет, да в овраг вниз головой кто свалится, кто силу не рассчитает, кто цитадельца на безлюдье встретит, а тот сильнее окажется. Нет, взял девку самую бойкую, красивую и рыжую. Теперь воин терпел, хотя больше всего походил на родителя, следящего за неразумной детворой.

Не всегда медленное старение на руку колдунам, магия сглаживает разницу в возрасте, а вот взгляд эту разницу выдает. И грустная ухмылка тоже...

Я задумалась, что будет со мной. С истоком, который никогда не стареет... вообще никогда... Вырастут дети Айны и Хорхе, постареют и умрут родители, а я так и буду жить, не меняясь. Хотя я исток, а, по статистике, истоки долго не живут. Не дают им жить долго.

– Это точно, – нисколько не обиделся воин. – Все к тому и идет. Эй, ты что, плачешь?

– Нет. – Я вытерла рукой глаза. – У меня насморк – осень скоро. Хорхе?

– Да?

– Ты давно знаком с Майорином? Ну с тем колдуном...

– Я понял, – оборвал меня воин. – Достаточно давно, а что?

– Ну... а сколько?

– Что сколько? – хмыкнул тот. – Если хочешь спросить что-то определенное, спрашивай определенно!

Неловкая попытка вызнать возраст колдуна с треском провалилась. А я, хоть убей, не понимала, сколько тому лет. Он выглядел лет на тридцать, но... кто его знает... внешность обманчива. А глаза, глаза казались холодными, жесткими, жуткими и... молодыми.

Я вернулась в корчму, но праздновать уже совсем не хотелось. Хотелось забиться куда поглубже и пожалеть себя от души. Дали мне, как же! Один из воздыхателей притащил с собой лютню и трещотку. Трещотка рыдала в руках у Катарины, воздыхатель насиловал лютню. Если прислушаться, то можно было догадаться, что сие есть велманская плясовая. С порога меня подхватила Айна и потащила в центр зала, где уже бодро отплясывали ведьмочки-травницы.

– Я не танцую.

– Да ладно! – крикнула виновница торжества, подбрасывая вверх ногу. С другой стороны в меня вцепилась еле стоящая (но бодро прыгающая) Лисса, и бежать стало некуда. Наша конструкция из трех пьяных девок воссоединилась с компанией ведьмочек, и, больше заплетаясь ногами и топчась друг на друге, мы завели кривой хороводик, смешивая велманскую плясовую с эльфийской заздравной. Окружающие нам горячо хлопали и не менее горячо ржали. В какой-то момент я столкнулась взглядом с Майорином, который тоже отбивал ладоши и раскатисто хохотал. Странно, подумалось мне, откуда он тут? В этот момент Лисса тяжело наступила на мою ногу, и больше я вперед не смотрела, стараясь следить за ступнями соседок и вовремя уворачиваться от них. Заодно движения повторяла.

Напрыгавшись до одури, мы повалились на скамейки и присосались к кружкам.

– Ты, Айрин, танцуешь как медведь в посудной лавке.

– Убегающий от другого медведя? – невинно спросила я Лиссу. Та лишь губки надула. Она мне на ногу раз двадцать наступила. Все захохотали.

– А Аяна вообще, кажется, висела.

– Я не висела! – обиделась одна из ведьмочек – черненькая. – Я просто невысокая. А вы все дылды!

Реплика дала повод для еще одной порции веселья. Но тут воздыхатель с лютней передохнул и взялся снова пытаться бедный инструмент. В этот раз выдавая что-то воющее печальное. Мне тоже повалять захотелось, и я даже попыталась.

– У-у-у... – Айна быстро зажала мне рот рукой, легонько щелкнула по лбу и сдала меня мужу, сама снизойдя до второго воздыхателя, который печально страдал в сторонке. Я было хотела продолжить свою печальную песню, но, верный указаниям жены, воин потащил меня в центр зала.

– Я не хочу-у-у... – вяло сопротивлялась я. – Мне все но-о-оги отдави-или!!!

– Через тернии к звездам, – усмехнулся воин и... **НАСТУПИЛ МНЕ НА НОГУ!!!!**

– А-а-а!!! – взвыла я и со всей силы ударила его пяткой в щиколотку. Но Хорхе увернулся. Пришлось попытаться второй раз. Так мы прошли круга три, то ли танцуя, то ли дерясь.

– Никогда не видела такого танца, – задумчиво произнесла Айна, когда мы вернулись к столу. Воздыхатель сидел с блаженной улыбкой и помрачнел лишь под взглядом Хорхе. Теперь неумная рыжая потащила на пляски мужа, Филипп давно уже там топтался, маскируя под танцы изучение телес одной из ведьмочек. Лисса увела почти плачущего воздыхателя. Еще две ведьмочки кружили обнявшись. Ученица Катарины, закинув голову, храпела на скамье. Я оглядела стол с объедками и грязной посудой. Нашла нетронутый огурец, макнула его в солонку и захрустела.

– Хочешь неприличное предложение? – неожиданно прошептали сзади. Я развернулась на месте. Бренн придержал мою завалившуюся тушку.

– Какое?

– Не-при-лич-ное, – по слогам повторил парень.

– Хочу. Принимать не обещаю!

– Пойдем!

– Куда?

– Пойдем-пойдем. Погуляем, никто и не заметит. – Бренн потянул меня за руку. Я невольно подалась.

Семья Бренна была тем редким случаем, когда хордримец женится на велманке и перенимает велманские обычаи. Велманская кровь почти бесследно растворилась, и Бренн уродился черноволосым, черноглазым и смуглым.

– И куда вы? А? – Айна высунулась из окна.

– Тсс! – приложил парень палец к губам и шепотом добавил: – Пошли с нами, только никому не говори.

– Что не говори? – Филипп заинтересованно вытянул нос. Бренн лишь махнул рукой. Оба вылезли из окна, и хордримец повел нас куда-то крадущимся шагом.

– Меня подождите. – Ведьмочка, которую танцевал мой брат, нагоняла нас вихляющим галопом.

– Я надеюсь, больше никого не будет... – буркнул Бренн.

Мы огородами дошли до задворков высокого терема, где встречали высоких гостей.

– И что? – кивнули мы с Филиппом на терем.

– Тихо, вы. Нам к конюшням.

К конюшням мы прошли без проблем. Бренн достал ключ и заковырял в замке маленькой дверки в воротах.

– Заело его, что ли.

– Дай я попробую! – вмешалась Айна.

– Тихо! – опять шикнул Бренн. Замок поддался, дверь тихо скрипнула. – Лезешь вечно под руку.

– Бу!

– Идите. Там лесенка.

- А мы световой!
- Ша. Никакой магии. Сейчас факел запалю.

Никто ничего не понял – в Инессе даже еду без магии не готовили. Парень нашарил факел, чиркнул огнем.

- Ты решил нас в хранилище отвести? – удивлялся Филипп, ступая по земельному полу.
- А ты знаешь, что над хранилищем?
- Склад, – равнодушно отозвалась я.
- Не совсем. Вернее, не сейчас. – Бренн оглянулся на нас. – И лучше помалкивайте

потом...

- Так, может, повернем назад, пока не поздно? – спохватилась ведьмочка.
- Поворачивай.

Но ведьмочка не ушла, продолжила бодро шлепать следом, вцепившись в руку Филиппа.

– Тихо, сюда. Вот это я поймал на восточной границе. – Парень зажег несколько факелов на стенах. Стало видно клетку, в которой сидел диковинный зверь. У зверя было кошачье тело, но нетопыриные крылья. Большие уши зверь прижал к голове и зашипел.

- Химера! – догадался Филипп. – Химера! Настоящая?

- А можно ее потрогать? – спросила Айна.

– Трогай, – разрешил Бренн, – только придумай вначале объяснение, куда делась твоя рука.

- Я ее боюсь! – запищала ведьмочка.

Я подошла к клетке, посмотрела на чудо-кошку размером чуть меньше годовалого теленка. Кошка перестала шипеть, принялась, облизнулась.

По телу разнеслось уже знакомое тепло. Мне захотелось прикоснуться к кошке, погладить. Я протянула руку сквозь прутья.

– Ничего страшного. – Мохнатая голова ткнулась мне в руку. Теплая и пушистая, почти как обычная. Только...

Филипп схватил меня и отдернул.

- Ты никак с елки свалилась, сестренка? – шепнул он мне на ухо.

– Странно. – Бренн взъерошил макушку. – На меня она всю дорогу рычала, хоть я ее и кормил.

- У химеры только один хозяин – ее создатель, – сообщил Фил.

- Да я знаю, – растерянно согласился парень.

- Я ее боюсь... – опять заныла ведьмочка.

Химера, лишенная подпитки силой, решила возмутиться. Она разбежалась и грудью навалилась на прутья решетки. Ведьмочка вскинула руки в защитном жесте, рефлекторно подкрепляя заклинанием.

Кошка утробно мяукнула и счастливо задрала хвост. Шерстинки на кончике распались, обнажив ороговевшую пластину, заклинание, как на веревочке, потянулось к хвосту. Путь клетки захрустели.

- Я же просил не колдовать! – зарычал Бренн.

- А тебя наверняка просили молчать, – ответил Филипп.

Кошка выскочила из клетки и скачками понеслась на ведьмочку, та, вереща, бросилась убежать. Я побежала за ними.

Кошка прыгнула, поймала ведьму мягкими лапами. Я кинулась сверху, но не рассчитала расстояние и вцепилась кошке в хвост. Химера обиженно мяукнула, но к ней снова потекла сила. Отпустив вредную игрушку, зверюга перевернулась на спину и начала блаженно кататься, будто обожралась валерьянки.

Бренн и Айна, борясь с истерическим припадком, наскоро чинили клетку. Филипп делал вид, что приводит в чувство подружку, а сам строил мне жуткие рожи. Я только плечами пожала, не забывая гладить извивающуюся зверюгу.

Возвращались мы уже не такие веселые и совершенно трезвые. Вспоминать про то, как мы запихивали упирающуюся зверюгу в клетку, совсем не хотелось. Филипп баюкал исполосованную руку, Бренн прикрывал глаз, подбитый о клетку в пылу запихивания.

– А вообще странно, что химеры появились на границах Инессы, раньше они и за долину не заходили, – размышлял Филипп.

– Странно, но химера довольно распространенная. В Цитадели таких называют манти-хорами, – ответил Бренн.

– Но химера не отходит далеко от своего хозяина.

– Верно. Но с хозяином как раз таки понятно. Убил я хозяина.

– Цитадельца? – поразилась Айна. – У нас мирный договор.

– А у них, видно, нет. Иначе с чего бы ему на меня нападать. Вы, ребят, только помалкивайте пока, ладно?

– А с ней что делать? – Я ткнула пальцем в ведьмочку в руках брата, в сознание она пока не пришла.

– А я почищу ее. Утром она будет помнить только, как мы славно танцевали.

– Скотина! – резюмировала Айна.

– Спасибо, – поблагодарил Бренн.

В корчме мы долго ввали, что пошли гулять и заблудились, будучи слишком пьяны. Чтобы выйти на путь истинный, нам пришлось протрезветь полностью, и теперь мы это дело желаем исправить. Хорхе с Катариной нам явно не поверили. Но выведывать прилюдно воспитание не позволило. Мы с Айной быстро надрались по второму разу, только сейчас уже целенаправленно.

Расходиться начали глубоко под утро. Хорхе, Айна и почему-то Лисса вызвались проводить меня до дома.

Не очень понятно, кто кого провожал. Лисса висела на Айне, Айна на мне, и всех нас вел Хорхе. Когда мы отвлекались во-он на ту травку: «Девочки, а давайте повалеяемся, а то у меня ножки устали...», или на забор: «Спорим, я пролевитирую над ним тебя?», или на птичку: «Ух ты какая!! Давай чучелко сделаем!!!» – воин брал нас за воротники и тащил в сторону дома. Тащил так самозабвенно и молчаливо, что мы даже не сразу сообразили, что пришли к их с Айной дому. Покостерив пьяных вдрызг друзей (сейчас я даже Лиссу любила), я сообщила, что я трезвее (последнее слово вышло с четвертой попытки), и, развернувшись на месте, действительно отправилась домой. За мной увязалась пьяная Лисса, за ней сердобольная Айна, а Хорхе, тяжело вздохнув, поплелся за женой. В этот раз дорогу выбирала я, и мы как ни странно дошли. Наобнимавшись у порога моего дома (вздохи воина уже дошли до стонов), мы расстались.

Пока снег не укрыл землю плотным, не боящимся растаять от ласкового утреннего солнышка ковром, мы ездили по Велмании. За два месяца успели объехать всю южную границу и даже посетить знаменитый морской порт Алак-Грион. Мне думалось о прекрасных видах и улетающих в никуда чайках, о парусниках, уходящих в далекое море, и пиратах. Пьяниц было больше, нежели разбойников, грузчики ругались, как и полагалось грузчикам. Повсюду стоял терпкий кошачий дух, хоть топор вешай. Кошки выворачивались из-под ног, они не утруждали себя лишним мяуканьем – закормленные рыбой и корабельными крысами, эти кошки мнили себя все как одна капитанскими.

И верно, из пяти капитанов, с которыми мы говорили, у троих на руках были коты. А четвертый признался, что зверь дремлет в каюте – разожравшаяся тварь оттянула бы руки.

Нам удалось даже покататься на небольшом паруснике, только погода не благоволила: вымочив насквозь мелким соленым дождем брызг, разыгравшись, чуть не утопила.

После того как мы живыми выбрались на берег, Майорин прямо на пристани бросил вещи и куртку на доски причала, стянул через голову рубашку, отжал и, выпрямив руки, усталился на просоленную ткань.

- Пора встать на зиму, иначе мы либо утонем, либо замерзнем.
- Замерзнем по дороге, – успокоила я колдуна. Его перекосило:
- Нет. Только телепортом.

Телепорт сожрал всю нашу наличность по моей вине. Майорин продал лошадь, этих денег как раз хватало, чтобы прыгнуть из Алак-Гриона в Вирицу одному человеку. Но...

– Мне этого жеребца брат подарил! – заартачилась я. Ругался колдун так, что у меня уши горели, но сдался довольно быстро, понимая – с любимым конем я не расстанусь.

Тогда я не знала цены телепортов. Уже открыв глаза в Вирице, я начала задаваться вопросом, а на что мы будем жить.

Оказалось, не на что, а у кого... В Вирице у Майорина был дом, пустующий семь месяцев в году, но это был настоящий дом. Обжитый, любимый, заросший за лето паутиной и толстым слоем пыли. В большой горнице стояла дородная беленая печь, по ее широким бокам примостились две маленькие комнаты, в одной спал колдун, в другой раньше работал. Немало времени потребовалось, чтобы вынести оттуда вороха пергамента, стопки книг. Кроватью мне послужил длинный широкий ларь, на котором устроился тюфяк.

Через пару седмиц к дому прибилась тощая полосатая кошка, теперь коротавшая ночи у меня в ногах, свернувшись мохнатым колечком. Набежали мыши, тараканы. Дом стал совсем жилым, не пугая по ночам неестественной тишиной. Свой вклад сделал и колдун. Приятный, когда того хотел, молодой мужик притягивал женщин, и я первое время с замиранием сердца прислушивалась к происходящему в соседней комнате, теребя рукой подарок Сворна. На пятую ночь колдун сообразил, отчего я так краснею по утрам, и стало тихо.

Когда мы вышли из телепортационной башни, в Вирице уже выпал снег, а к декабрю его стало по пояс. Поговаривали, что ни к чему хорошему такая снежная и холодная зима не приведет.

Не пренебрегал колдун и моим образованием. Майорин утрамбовывал в меня знания, как капусту в бочку, для верности подминая ногой. Показав мало-мальски полезную или вредную травку, он спрашивал, знаю ли я ее. Если не знала, читал лекцию по применению и происхождению, если знала, то лекцию читала я. То же относилось к животным, нежити, нечисти, камням, минералам, металлам и прочему. Казалось, он делал это ненароком, между делом рассказывая исторические байки или затаскивая меня в какой-нибудь лес, где совершенно случайно под вон тем ракивовым кусточком почивала некая зубастая зверушка. Меня с ней познакомили, рассказывали, откуда зверушка взялась и чем кормится, а потом так же показательно ее убивали или драпали от нее. Не сразу я сообразила, что исторические байки идут в строго хронологической последовательности, а зверушки рассортированы по видам, классам и подклассам. Так, например, первые две недели наших шатаний по лесам нам «случайно» встречались только ящерные различных видов, потом они сменились летающими рептилиями. Зимой я же узнала, как из травок, изученных летом, можно варить замечательные снадобья, тоже между делом, второй рукой помешивая суп.

Иногда, слушая вьюгу за окном, я вспоминала Инессу, тоскуя по дому, но предложи мне кто вернуться, отказалась бы. Мне казалось, душу разорвало на части, одна хотела домой, вспоминала тихие инесские улочки, родителей, брата. Но я уже привыкла к шумной суматошной столице, где всегда было куда пойти, частенько я сидела вечерами в корчме, тренькая на одолженной у хозяина лютне. Сначала для себя, потом обзавелась слушателями. Днем ходила в дом болезни при храме Трех Богов, монахиням не нравилось, что я совсем не молюсь, но мои

снадобья помогали лучше молить, и они привыкли к моему присутствию на храмовой кухне. В корчме за вечер, бывало, я зарабатывала больше, чем в храме за седмицу, но дом болезни не бросала. Такому, с чем борются эти кроткие тихие женщины в серых рясах, не научат ни в одной школе, хотя образованным знахарям эти знания пошли бы на пользу. Уже после излома зимы дом болезни захватила лихорадка. Жар, рвота, холодный пот, после – язвы по всему телу и смерть. Не тронула болезнь только меня, хотя самые слабые умерли уже на четвертый день. Тогда я позвала Майорина. Монашки дико смотрели на меня, не хотели его пускать и на храмовую кухню, где больше пахло снадобьями, чем едой. Колдун осмотрел больных, поджал губы и задумался. В тот вечер я осталась в храме – сидеть с больными. Девушки, кто не метался в бреду, раздосадованно на меня шипели:

– Осквернил нашу кухню, а толку никакого.

– Зря пустили, а ты чем думала?

Я отмалчивалась, колдун вернулся задолго до рассвета, скинул кожух и отозвал меня на кухню.

– Принеси вот это. – Он бросил в меня узким свитком, а сам зашарил по полкам. Я, с трудом разбирая торопливый неровный почерк, прочитала список. Кое-что нашлось на полках, кое-что у меня в сумке, за некоторыми травками пришлось бежать в лавку.

К полудню мы начали отпаивать больных, монашки неприязненно морщились – неразвитым магическим даром обладала только одна, но морщились все, догадываясь, что простое снадобье я бы и без колдуна сварила.

Через час весь лазарет сладко спал, не мешая молитвами и ворчанием колдуну работать.

По дороге домой Майорин объяснял, что за напасть нахлынула.

– Это луарский тиф, Айрин. Он начинается простым кашлем, но уносит много жизней. Не вылечим их, и болезнь заберет с собой полгорода, а может быть, охватит и всю страну.

– Хочешь сказать, твое участие – лишь борьба за правое дело? Но мало кто решится работать среди больных, зная, что сам может заразиться.

– Вероятность, что заболею я, не так уж высока. Намного выше, что болезнь расползется. Порой незначительные на первый взгляд события влияют на судьбы государств.

– Как луарский тиф?

– Как неловкая служанка, смахнувшая со стола тарелку, напугавшую мышь, за которой бросится охотящаяся кошка, о кошку споткнется повитуха, пришедшая на кухню за горячей водой, упадет, ударится головой об угол стола и умрет, а через неделю любовница государя родит задушенного пуповиной младенца, которого та повитуха бы спасла. И бастард, который мог объять войной всю страну, погибнет, не сделав ни единого вздоха. А казалось, служанка только не выпалась, всю ночь пробалагуривав со знакомым ратником. Мы не знаем о таких вещах, дар предвидения чаще встречается в сказках, нежели в жизни, но кое-что изменить можно. Например, коровий мор или луарский тиф.

– Или исток, который мог бы попасть не в те руки?

– Например, исток. Так что дело не в моей доброй и нежной душе. – Майорин свернул на пустынную по ночному времени улочку, на ходу пряча замерзшее лицо в воротник.

– Или просто удобно прикрывать логикой добрую и нежную душу, – с насмешкой бросила я.

– Не обольщайся. Много вероятней, что я последую логике, чем сердцу.

– Хочешь сказать, если будет надобность, ты убьешь меня, чтобы предотвратить мнимую беду? – парировала я.

Колдун повернул голову, из-под капюшона на меня смотрели холодные прозрачные глаза. Почти такие же белые как снег вокруг.

– Не знаю, – наконец, сказал он. И впервые за полгода я увидела в этих глазах страх.

Еще через седмицу монашки начали выздоравливать, будто успокоенная их хорошим самочувствием, заболела я. Майорин беспокойно прислушивался к сухому кашлю, рвавшему мне горло, но признал его не тифом, а обычной простудой, наказав пить молоко с медом и хвощом.

Когда вскрылись реки, мы начали готовиться к отъезду. Колдун купил себе лошадь, странно похожую на проданную в Грионе, назвал ее ради разнообразия Потехой. Мы подновили одежду, подсчитали деньги, заготовили травы и снадобья и выехали по еще не сошедшему до конца снегу, чтобы вернуться лишь через полгода. И я с тоской глядела на дом колдуна на окраине Вирицы, поймав себя на мысли, что опять прощаюсь с домом. В этот раз совсем с другим.

Монашки обнимали меня на прощанье, надавали подарков в дорогу, просили возвращаться. Корчмарь обещал хранить старенькую лютню, а в последний вечер в корчме народ накидал полную шапку мелкой монетой. Ее почти хватило на новую куртку. А я задумалась, как часто мне приходится расставаться с полюбившимися людьми в последнее время. Но каким бы горьким ни казалось прощание, неведомая сила звала дальше, подманивая дорогой и неизвестностью.

– И куда мы?

Колдун придержал кобылу, оглянулся:

– А куда ты хочешь?

– Не знаю... Мне все равно.

– Мы едем в Кордер. Красивый город. Орник как раз просил передать весточку тамошнему архимагу, – ответил колдун и направил Потеху к восточным воротам.

В воздухе пахло весной, на деревьях набухали почки, которые скоро прорежут первые зеленые лезвия. Перелетные птицы, коротавшие зиму в краях, где морозы не такие трескучие, оглядывали зимовавшие без хозяев уголья. Не переменялось ли что? Зимовавшие здесь просто победно горланили, радуясь теплым дням, красуясь друг перед другом. Звенели прорвавшие снежные одеяла ручьи.

Может быть, он однажды попытается меня убить, видя в этом свою сермяжную правду. Может быть и так. Но не сегодня...

4

Весна на севере наступала медленно, робко шагая по снегу босыми ступнями, но в неглубоких следах девичьих ног оставалась талая вода. К ней жадно тянулись первые ручьи, голоса раззадоренными петухами и силясь друг дружку перекричать. Под их отчаянным натиском не выдерживал снег, сдавалась усталая зима. Нежными руками Весна расправила первые травинки, подняла слабые стебельки подснежников, выпустила из почек светло-зеленые лепесточки.

Но как любая девица, была Весна влюбчива да ветрена. И красавец Лето в этот раз захватил ее с наскока, поглотив без остатка, обжигая жаркими объятиями июньских лучей тонкую прозрачную кожу.

Когда мы повернули коней на юг, прочь из Кордера, Лето только обнял сговорчивую подружку. Но через неделю пути я почувствовала его горячее дыхание и на собственной коже, с каждым днем темнеющей под нещадно палящим солнцем. Коса натирала шею, а черноволосый Майорин крепился, казалось, только из самолюбия, хотя голову пекло даже мне, несмотря на быстро побелевшие пряди, до которых удавалось дотянуться обжигающей руке Лета.

Высушило солнышко и землю, и траву, отчего первая растрескалась, а вторая пожелтела и пряно пахла сеном. Селяне только за головы хватались от такой погоды и с ужасом косились на горящие леса, боясь, как бы и до полей не добрался огонь. Боялись и купцы, зная, что могут остаться без товара на осень. Боялись и предпочитали с эдакой напастью бороться самыми надежными, пусть и дорогостоящими методами. Так что ни колдунам из Инессы, ни цитадельским магам маяться от скуки не пришлось. Вернувшись из Сауринии, мы с Майорином кочевали от села к селу, туша, заговаривая, отгоняя огонь. Колдун все чаще печалился о нежити и нечисти, и беспокойное кладбище в Лосином логу стало лучшей новостью за прошедшие несколько недель. И кабы не преследующий Майорина лошадиный рок – охромевшая кобыла, были бы там. Но с судьбой споры всегда проигрышны, и в этот раз лошадиная хромота завела нас в Выбеленки – широко раскинувшееся богатое село на берегу речки Беленькая.

– Милсдарь колдун! Обождите! – Мужичок поднялся с лавки и призывно замахал руками.

– Чего тебе? – обернулся Майорин.

– Милсдарь колдун, дело есть. Может, подмогнете?

Колдун равнодушно пожал плечами и продолжил двигаться к выходу из корчмы. Я посмотрела на его спину, потом на мужичка. На вид зажиточный, хоть и простой. Удачливый селянин, может, даже староста села.

– Майорин, – я вцепилась колдуну в рукав, – давай хоть узнаем, что за дело!

– Нет, – заупрямился он. – Очередной пожар я тушить не буду, у меня уже от дыма голова болит.

– Ну давай!

– Зачем тебе? Деньги есть, к чему время тратить?

– Ну, пожалуйста, – заныла я. – Можешь ничего не делать... Полежишь денечек, погуляешь. Жалко тебе, что ли? Все равно два дня тут торчать!

– Я сказал нет. – Колдун вырвал руку. – Пошли.

«Ну не хочешь и не надо», – мысленно договорила я. И повернулась к потенциальному заказчику. Ожидая, когда гордец выйдет из корчмы. Дверь хлопнула.

– Может, вам колдунья сгодится?

Тот осмотрел меня с ног до головы и с сомнением покачал головой. Я машинально проследила за его взглядом. По жаре я сняла сапоги, сменив их на мягонькие башмачки с вырезан-

ным узором, купленные у кордерского сапожника. Башмачки я купила – душу порадовать, не больно-то в таких по дорогам походишь, если не издерешь мягкую кожу, то в дырочки насыплются камешки да исколют ступни, но жара заставила раньше задуманного времени достать из сумки обувку. Крашенные полотняные штаны прикрывала выпущенная рубашка, пересеченная плетеным пояском.

– Ну... – протянул тот.

– Не согдится, – понуро пробормотала я. И нарочито медленно двинулась за колдуном.

– Эй, девка. А ты ученица, что ль?

– Ученица.

– И давно в учениках ходишь, колдунья? Поди, не тому он тебя учит... – пробурчал под нос староста.

– Я еще здесь, – напомнила я, кружка перед старостой сдвинулась с места и целенаправленно поползла к краю стола, – так что, разговаривать будем? Или я пойду, а то учитель волнуется.

Староста поймал кружку.

– Стойте, сударыня колдунья, – решил он, прервав мои раздумья. – Давайте присядем.

Я послушно уселась на указанное место, внимательнее разглядывая потенциального заказчика. Тот задумчиво запустил пальцы в густую русую бороду, закрывающую треть лица. Еще треть прикрывала внушительная шапка волос, остриженных «под горшок», в промежутке громоздился увесистый нос картошкой и печальные голубые глаза. Он вытащил пальцы из гущи растительности, постучал по столу и продолжил:

– На мосту у нас дрянь какая-то поселилась, днем и носа не кажет, а ночью вылезит и на людей кидается. За месяц четверых извела, а двое убежали, вот только не помнят ничего.

– Такая страшная? – удивленно спросила я.

– Да нет, пьяненькие были.

– Может, тогда примерещилось, и не тварь это вовсе, а белочка зеленая?

– А те, кого она упокоила? – Мужик, похоже, также сомневался в достоверности информации от двух выживших. У страха глаза велики, а когда в это дело вмешивается зеленый змий, еще и зубы длинные вырастают.

– Разбойников или каторжан беглых поблизости не ошивается? – продолжала я сомневаться. Староста моего юмора не оценил.

– Не ошивается. Да и не думаю, чтоб они мертвяков после убийства грызли.

Я живо представила парочку каторжан с расклепанными цепями на кандалах, которые звенят при каждом движении, жадно грызущих ногу свежеебитого и ограбленного селянина, и улыбнулась. Наниматель укоризненно на меня взглянул. Видно, сомневаясь, в своем ли уме колдунова ученица.

– Да что я вам рассказываю, сами сходите, посмотрите. Как вас величать?

– Айрин. А вы староста местный?

– Староста, – гордо подбоченился мужик, выпячивая бороду в мою сторону, – в прошлом году выбрали, как Миколка к праотцам отошел. Витяком звать меня.

– И сколько, сударь Витяк, вы предлагаете за осмотр вашего моста?

– Десять корон.

– Не густо. Особенно учитывая то, что смотрящий ничего о твари не знает. Так сколько?

– Так вы ж... – Староста осекся, но я поняла: ученица. И колдуну он заплатил бы двадцать, а то и тридцать, причем золотом. – Ну, давай, двенадцать.

Торговаться я не стала, деньги у нас и вправду были.

– Хорошо. Еще один вопрос, сами под мост лазали?

– Да ничего там нет. Днем, правда, – ночью боязно.

И то верно, днем эта тварь, если я на ту думаю, спит себе в соседнем лесочке. Я уже было поднялась со скамьи, преобольно ударившись коленкой о низкую столешницу. На миг сдавила пальцами твердую доску и поплотнее сжала челюсти, сдерживая рвущееся наружу возмущение. Витяк смотрел на мои манипуляции, улыбаясь в бороду. Решив хоть чуть-чуть поправить ситуацию, я задала первый пришедший в голову вопрос.

– Сударь Витяк, вы сказали, тварь убила четыре раза и два раза напала, можете по дням посчитать, когда это было?

– Так. – Наниматель сощурил глаза и, старательно загибая пальцы, начал: – Значится, Проху она на исходе луны схарчила, потом почти седмицу носа не выказывала, но на второй неделе июня вылезла, вот только Богда с Тишкой вдвоем были – убегли, Тишке ногу порвала, до сих пор с костылем ходит. На следующий день опять появилась и Рубаньку – жену кузнеца, загрызла. Тот тогда в кузнице за полночь сидел, заезжому наемнику наконечники на заказ делал. Рубанька ужин ему понесла, да засиделись они. Вот и пошла ночью через мост... твари в зубы. И Махруку с Веерком тоже через седмицу. Это ж получается, она по шесть дней голодает, а на седьмой на охоту идет?

Похоже, раньше идея посчитать тварьи выходы старосте в голову не приходила. Вид у него был несколько ошарашенный. Мужик, так и не разогнув счетные пальцы, глупо тарасился на меня. Я мстительно улыбалась, сама дивясь полученному результату.

– Последний когда был?

– Да уж дней восемь прошло... Как народ понял, что эта дрянь на мосту сидит, так все с темнотой по домам расходятся. – Витяк снова закопошился в бороде. Блох, что ли, он в ней ловит? Я взяла задаток в три короны, которые нехотя отсыпал мне староста, и отправилась в комнату, снятую на ночь. Постоялый двор был при корчме, но вход в него располагался отдельно, видно, чтобы не беспокоить постояльцев гомоном местных отдыхающих. Так что, прежде чем попасть в гостиный дом, надо было пройти через двор, раскаленный на июльском солнце. На крылечке возле входа дремал старик, я попыталась перешагнуть через него, но тот схватил меня цепкими пальцами за штанину.

– Куды прешь?!

– К себе.

– Бирка где?

– Какая бирка? – не поняла я. Выяснилось, что каждому, кто снимает комнату, полагается бирка с номером. Чтобы неплательщики не совались. Вот только комнаты снимал Майорин, а выдать мне бирку ему и в голову не пришло.

– С колдуном я приехала, – втолковывала я сторожу. – Две комнаты сняли. Он платил и бирки у него.

– Колдуна видел, – согласился старец. – Только он мне про тебя ничего не говорил. А ты кто будешь?

– Ученица его. Поднимитесь, спросите.

– Ща я поднимусь, а ты следом – и сопрешь чего у постояльцев! – не унимался охранник.

– Тогда пустите меня, без вашего ведома не выйду!

– Пуцать без бирок не велено. – Непреклонность сторожа граничила с ослиным упрямством. Но походил он скорее на козла. Хотя козлиное упрямство, по моему печальному опыту, тоже вещь трудная: то в бок боднет, то ногу отдавит, то просто будет мекать под окошком, пока в голове не появятся мысли о жарком из козлятины.

– Комната колдуна на эту сторону выходит? – сдалась я.

– На эту, – сумрачно проворчал он. Я отошла на несколько шагов, так чтобы меня было видно из окна, и истошно заорала:

– Майорин! Выходи, меня не пускают!!! Майорин!

Захлопали ставни, из окон высунулось человек пять. Когда показалась черноволосая голова колдуна, еще пяток постояльцев выглянули любопытствовать, кто там разорался на всю улицу. Майорин нахмурился, покрутил пальцем у виска под одобрительные вздохи соседей и скрылся, через минуту, однако, появившись на крыльце. Он протянул сторожу бирку с моим номером, старик достал замусоленный листок, долго возил по нему не очень чистым пальцем и угольком поставил жирный крестик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.